

МОШЕННИЦА

ОНА 10 ИЗ 10, НО...

Айрин Кей

18+

Айрин Кей Мошенница

<https://litres.ru/74280378>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она - мошенница в бегах, пытающаяся найти свое пристанище и затеряться в другом штате.

Он - обычный попутчик, сбежавший от прежней жизни.

Их встреча - смесь приключений и чувств.

Это не просто дорожное путешествие. Это криминальное приключение, где каждая миля таит опасность, обман и любовь.

Содержание

Внимание	4
Пролог	6
1	27
2	33
3	38
4	44
5	51
6	61
7	69
8	78
9	84
10	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Айрин Кей Мошенница

Внимание

Содержит информацию о наркотических или психотропных веществах, употребление которых опасно для здоровья. Их незаконный оборот влечет уголовную ответственность

Все персонажи, события, организации и диалоги, описанные в этой книге, являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными фактами мошенничества или финансовых махинаций является случайным.

Автор категорически осуждает любые формы обмана, мошенничества и незаконного присвоения чужого имущества. Данное произведение является художественным вымыслом и не содержит инструкций или рекомендаций к противоправным действиям.

Посвящается моим родителям, которые никогда не узнают, что их дочь стала писателем

Пролог

Фэй подтыкает одеяло под спящего ребенка, целует в щеку и гасит ночник. В дверях оглядывается и с любовью смотрит на малышку еще минуту. Затем тяжело вздыхает, прикрывая дверь, но оставляя щелочку, чтобы комната не погружалась в кромешную тьму. Лазейка света на случай, если ребенок проснется.

На кухне заваривает двойной кофе, хватает вчерашнюю булочку и направляется в «уголок усталости». Так она называет рабочее место. Ей приходится брать подработки в интернете, чтобы продержаться на плаву. Основная работа администратором в ветеринарной клинике позволяет оплачивать счета и заем за дом, но на детский сад, еду и одежду практически ничего не остается. Тем более ребенок постоянно болеет. Хорошо, что старший сын живет с отцом после развода и учится на стипендию. Иначе ей пришлось бы продать почку, чтобы дать ума детям.

Фэй отхлебывает молочную пенку и ставит кружку на деревянную подставку, чтобы не оставить следов на столешнице. Берет спиртовую салфетку и несколько раз протирает клавиатуру, под ней, экран монитора, мышь. Затем берет еще одну салфетку и обрабатывает руки. Привычка, приобретенная на работе. Когда задевает мышку, на экране возникает заставка – Фэй, Роберт (ее бывший муж) и их дети. Еще

несколько месяцев назад они были так счастливы, а теперь, Салли видит папу раз в месяц. Роберт ушел к другой. К молоденькой секретарше.

В глазах появляются предательские слезы, и Фэй быстро вытирает их. Снова делает глоток уже остывшего кофе, откусывает от булочки, и крошки сыплются на стол. Она берет еще одну салфетку и тут же убирает за собой, стряхивая в мусорную корзину. Жмет на клавиатуру, разблокировав экран, входит в приложение и листает страницу с вакансиями. Запросы по набору текстов и переводы с английского на французский, которые ей нравится выполнять, поступают редко. Она натывается на предложение по сотрудничеству с продавцами, ставит лайк, но не откликается.

Когда лента с предложениями по работе заканчивается, Фэй выходит из программы и кладет голову на руки.

– Как тяжело, – шепчет она. – Где я согрешила?

Кофе уже не такой вкусный, когда холодный. Отвратительный напиток проникает в желудок.

– Главное ты не подведи, подбодри меня.

Фэй берет телефон и открывает соцсети. Среди подписок находит одноклассниц. Самара Клэнтон запостила новую фотографию. Она со своим мужем в Арабских Эмиратах. На ней безупречное серебристого цвета платье, демонстрирующее, что на теле нет ни грамма жира. От белоснежности улыбки аж глаза режет. Муж ее какой-то там магнат или хрен пойми кто. Похож на модель. Видео ниже, где Самара с ги-

гантским букетом роз, еще сильнее бьет по самооценке Фэй. На однокласснице дорогой брючный костюм песочного цвета, босоножки от Prada. Муж придерживает для нее дверь черного BMW. Ком зависти скапливается в горле и камнем падает вниз, задевая органы. Сердце сжимается от ненависти к себе и собственной никчемности.

— Где я провалилась? Почему она? В классе ты была самой страшной и жирной, Сэми.

Она выключает телефон, идет на кухню и наливает еще кофе. За окном так темно, что ничего не видно. Только крыльцо дома Катчеров подсвечивается одной тусклой лампой. Фэй не включает снаружи свет, чтобы сэкономить на электроэнергии. «Это все временно», - успокаивает она себя. Задерживает занавески, чтобы снаружи никто не видел ее. На мгновение выглядывает в окно, и страх начинает давить. Вдруг кто-нибудь наблюдает за ней из темноты? Глупости какие! Тушит свет на кухне и возвращается в «уголок усталости». Вырубает компьютер, снова протирает клавиатуру, затем место, где стояла кружка с кофе и тихо сидит в темноте, погружаясь в собственные мысли.

Телефон издает сигнал, однократное «блимп». Фэй неохотно открывает сообщение. На иконке фотография фирмы «Parsons Logistics»¹.

Здравствуйте, меня зовут Рокель, я менеджер кадрового отдела «Parsons Logistics». Вы оставили отклик на

¹ Вымышленная фирма доставки товаров

вакансию на «удаленке». Подскажите, вам актуальна вакансия?

С уважением, Рокель Ферри.

Фэй вспоминает, когда это она оставляла отклик, но ничего такого не приходит на ум. Хотя в последнее время память частенько ее подводит. Она забывает то записать дату и время похода к врачу, то какой сегодня день недели. Иногда на холодильнике месяцами висят записки с напоминаниями. Возможно, все же Рокель ошиблась. Не оставляла она никакого отклика. Но раз уж написала, Фэй решает ответить.

Добрый вечер. Расскажите подробнее.

Девушка ставит точку и не знает, что еще должна написать. Отправляет как есть. Волнение подпирает желудок.

Появляются три бегающие точки. Спустя минуту выпрыгивает новое сообщение.

Спасибо за ответ. Перезову на другого менеджера. По поводу работы расскажет операционный специалист Джастин.

Приходится ждать. В темной комнате, освещенной лишь подсветкой экрана телефона, Фэй чувствует себя одиноко. Несмотря на то, что в соседней комнате спит Салли, девушке неспокойно.

Добрый день. Меня зовут Джастин, я операционный менеджер «Parsons Logistics». Мы ищем помощников по продвижению товаров продавцов, по повышению активности на нашем сайте и рейтинга vip-товаров. Если вам

интересна работа, просто ответьте «да».

Фэй внимательно читает и соглашается.

Хорошо. Сейчас я добавлю вас в группу, куда буду скидывать заказы. Пожалуйста, не отключайте телефон.

В мессенджере появляется группа, куда Джастин добавляет и Фэй. В ней десять человек. Фэй просматривает список участников. Девушки и парни, фотографии молодых и красивых.

Что надо делать?

Пишет Нэйтон Динн.

Следом отправляет сообщение Сабрина Эл.

Здравствуйте. Это то же самое, что вчера делали, только с другой группой?

Минуту спустя менеджер отвечает:

В эту группу я буду скидывать задания. Оплата за несколько заданий колеблется от двадцати до ста долларов. Все зависит от сложности задания и оплаты клиентов. Сегодня ваша задача пройти быстро по ссылкам на нашем сайте и оценить товары. Затем делаете скриншоты и присылаете сюда. Очень важно, чтобы прохождение заданий не занимало больше пяти-десяти минут. Так просят наши клиенты. Высокая активность в одно и то же время поднимает рейтинги товаров.

Зарегистрируйтесь на сайте, и у вас появится личный кошелек. С него вы сможете вывести деньги.

Фэй создает личный кабинет. В нем она находит раздел «Оплата».

Итак, вам необходимо пройти по ссылке, поставить оценку и сделать скриншот. Затем скинуть в группу. На первое задание даю пять минут.

Фэй кликает на ссылку и переходит на сайт компании. Первый товар – крем для рук. У нее точно такой же стоит на ночном столике около кровати. «Хотя бы честно могу оценить его. Он классный», - думает она и ставит пять звезд товару. Снимает экран, возвращается обратно в группу и отправляет картинку. Затем появляются в сообщениях точно такие же картинки крема от других участников.

Когда все проходят задание, Джастин кидает вторую ссылку.

Здесь точно такое же задание.

Теперь по ссылке появляются дорогие духи Killian. Фэй давно о них мечтает, но пользуется украденными пробниками из парфюмерного магазина. Жмет на оценку и снова делает снимок экрана, отправляет в группу.

Отлично, ребята. Следующее задание на выкуп товара.

- Стоп, что за выкуп? – Фэй щурится и задумывается. Спина покрывается холодным потом.

По ссылке вы найдете товар, вам необходимо зарегистрироваться на нашем сайте и выкупить товар, когда покупка пройдет, клиент вернет вам ваши средства и за-

платит с процентом. На задание не больше пятнадцати минут. Прошу не задерживать. Клиент ждет.

Девушка сомневается, что это адекватное задание. Речь же шла только о подъеме рейтинга.

А это обязательное задание? – пишет Нэйтон.

Да, если вы не проходите все задания, то вам не заплатят. Заданий на сегодня пять. Прерываться или проходить выборочно нельзя. Только выполнив все пять заданий, вы получите оплату .

Она кликает по ссылке. На экране появляется повязка для сна. Всего полтора доллара. В личном сообщении от Джастин получает указания. Нажимает на несколько действий и оплачивает товар. В личном кабинете через несколько минут появляются пять долларов. Волнение нарастает.

– Ого, заработала три с половиной доллара всего за несколько минут?

В группу тем временем скидывают скриншоты выкупа. У кого-то попадают товары дороже, у кого-то дешевле.

Теперь выберите из списка товаров тот, который вам подходит, и я пришлю инструкции по выкупу.

В списке по возрастанию цены восемнадцать товаров. В самом начале всего два по низкой стоимости. Лак для ногтей за один доллар и две пары носков за три доллара. Рядом с товаром заработок за выкуп. Сверху можно заработать еще три доллара.

Девушка решает и пишет, что возьмет носки. Нэйтон

выбирает умную колонку за двадцать девять долларов. Лиз – набор посуды за двенадцать долларов. Джастин присылает ссылку и просит выкупить товар не позднее десяти вечера. На часах без четверти десять. Сердце замирает, но Фэй оплачивает товар картой. Почти последние средства списывают со счета. Теперь Джастин просит подождать, клиент должен выплатить шесть долларов в течение двадцати минут. Пока Фэй ожидает, листает сайт и находит товар. Он действительно повышается в рейтинге. Она обновляет страницу, и в кошельке уже девять долларов.

Последнее задание на выкуп, и вы получите инструкцию по выводу средств.

Новый список, разбирайте.

Многие спешат взять товары подороже, но Фэй осторожничает и берет набор для рисования за пять долларов. Находит ссылку в личном сообщении, выполняет те же рекомендации, что и до этого, и ждет. Когда кошелек пополняется еще на десять долларов, Фэй пишет Джастин. Менеджер присылает пошаговую инструкцию по выводу денежных средств. Фэй жмет на завершающее действие. И приходит сообщение о зачислении девятнадцати долларов. Она ликует. Так быстро еще не зарабатывала, при том, не выходя из дома. Странное ощущение в груди расходится, вплетаясь нитями и вызывая восторженное приятное чувство.

В группу посыпались сообщения с благодарностями. Нэйтон пишет, что ему за один раз удалось заработать пятьдесят

баксов. Все шлют скриншоты с зачислением денег на личные счета.

Рада помочь. Жду всех завтра в группе. Время сообщу позже, примерно за час до работы. До свидания.

Фэй закрывает чат и улыбается. Меньше чем за час ей удалось «чистыми» получить почти десять долларов. Если она будет выкупать что-то подороже, то сможет поднять больше денег. Она прикидывает, сколько сможет зарабатывать на таких простых действиях, если будет выполнять задания каждый день. Довольная, идет на кухню, включает подсветку над раковиной, тщательно моет кружку и прокручивает в голове последние моменты. Повезло, что менеджер ей написала. Сначала она волновалась, что может быть какой-то незаконный приработок, но когда она вывела деньги, поняла, что все это реально. Закончив дела на кухне, она идет в свою спальню, чистит зубы в ванной комнате и ложится в свежую кровать. Простыни даже скрипят от чистоты. Фэй кладет на столик телефон и закрывает глаза. Завтра она обязательно повторит.

После тяжелого рабочего дня Фэй наконец-то ложится в горячую ванну. Сегодня все будто с ума сошли. Трое клиентов доктора Нолана устроили скандал из-за наложения времени. Им пришлось ожидать. Досталось и Фэй. Злобная старуха миссис Карпатски со своей шавкой любят устроить спектакль. Хорошо, что доктору всегда удастся урегулиру-

вать любую вспышку бунта. Вторая половина дня тянулась мучительно долго, и особенно последний час. Когда Фэй забрала дочку из сада, воспитательница сунула буклет на спектакль, мол «вся группа пойдет, вы единственные не скинулись на билеты». Надоели поборы. Откуда ей взять деньги на развлечения? Она никому не обязана. Но ей очень жалко дочь, и потому она оплатит заработанными за вчерашний вечер деньгами.

Пена с ароматом арбуза покрывает водную гладь. На телефоне тихо играет какая-то песня Рианны.

– Еще бы бокал вина, закуску и сериальчик, и жизнь удалась.

Телефон гудит, приглушая музыку.

Фэй поднимает руку, и вода плещется, капли и облачка пены падают вниз, стекая по бортику ванны.

Добрый вечер, дорогие участники группы. Примерно через час клиент скинет задания. Попрошу отписаться тех, кто будет работать.

– Черт, – девушка поднимается, и вода берется волнами.
– Надо выползть.

В чате появляются сообщения от тех, кто работал вчера.

Я готов заработать сегодня еще больше.

Отлично. Ждала весь день.

Скиньте время, когда все начнется?

Фэй вытирается, берет телефон и замирает.

– Надеюсь, и я сегодня заработаю, – одним кликом отправ-

ляет смайлик с пальцем вверх.

В зеркале видит свое тело. На нем отражаются следы двух беременностей и родов: растяжки в области ассиметричной груди, сдутые сиськи, ореолы бледные, растянутая кожа и лишний вес. Фэй снимает заколку, и волосы тяжелым водопадом падают на плечи. Она тяжело вздыхает от собственного вида и заплетается снова, убирая густые черные волосы в хвост. Накидывает халат и спускает воду в ванне.

Когда усаживается с кружкой кофе в своем «уголке усталости», получает сообщение от Джастин. Операционистка повторяет правила выполнения заданий, указывая на невозможность прервать работу, иначе клиент откажется выплачивать деньги.

Первые два задания повторяются. Только товары на этот раз другие: садоводческие приبلуды и уличное освещение. Фэй оценивает их на пять звезд. Затем Джастин снова высылает список на выкуп. У Фэй где-то глубоко внутри копошится червь подозрения, но она все же выбирает снова самый дешевый товар. Секатор для кустарников. Стоимость ниже рыночной. Всего один доллар и пятнадцать центов. В личном кабинете на сайте высвечивается покупка. В кошельке почти сразу появляется удвоенная сумма. Следующий товар на выкуп – дорогой кошелек. Он стоит пятьдесят долларов. У Фэй падает сердце. У нее нет таких денег. На счете всего тридцать последних баксов.

– Что за хрень? Нельзя ли дать товар ценой ниже?

Но из второго списка это оказывается самый дешевый. Ей не нравится, что в этот раз как-то некомфортно. Она пишет Джастин в личные сообщения, что не готова к такому выкупу.

Я понимаю, что во второй раз список выпал с достаточно высокими ценами, но вам необходимо выкупить, иначе клиент не оплатит вашу работу.

– Да и хер с вами, – злится она. – Мы так не договаривались.

Ее надежды подзаработать рушатся в одночасье. А тем временем в группу скидывают скрины покупок другие участники. И кто-то даже пишет, что в кошельке набирается приятная цифра.

– Может рискнуть? Почему я должна постоянно побираться и зарабатывать гроши? Если есть возможность поднять деньги на ровном месте..., – рассуждает девушка вслух.

Ее сомнения подавляются жадой поиметь хоть что-то. Проблема в том, что у нее нет таких денег, но есть на счете клиники.

– Если я немного оттуда возьму, никто и не заметит, я потом все верну.

И Фэй оплачивает с чужого счета. Проходит десять минут, затем еще двадцать, но кошелек не пополняется. Тогда девушка пишет операционистке.

Все хорошо, клиент оплатит в течение часа. Пока выполните третье задание. Оно последнее. Высылаю инди-

видуально. У каждого то, что выпало случайным образом.

На экране появляется товар: дорогие очки в леопардовой оправе. Стоимость выкупа тысяча долларов.

– Ну уж нет, я не согласна. Это что такое? Вчера суммы были гораздо ниже.

Она пишет Джастин, что отказывается выполнять действия.

Простите, но вам необходимо закончить действия, иначе клиент не оплатит. Вы не сможете вывести деньги из кошелька. Я предупредила перед заданием, что все действия нужно выполнить.

Да, но вы забыли упомянуть, что на этот раз все станет слишком затратным.

У Фэй вспыхивает кожа на щеках. Ее раздражает такой поворот событий. Где она должна достать тысячу долларов?

В группе появляются новые скриншоты с выводом денег. Нэйтон уже получил свою награду. На карте у него за сегодняшний день чистыми три тысячи пятьсот шестьдесят долларов восемнадцать центов. Он присылает смайлики и пишет, что в восторге от работы. Джастин его благодарит и приглашает в другой вип-чат. В кошельке Фэй появляется сто долларов. И сердце девушки начинает биться быстрее от волнения. Она нажимает на кнопку «Вывод денежных средств», указывает свой номер счета. Кошелек обнуляется. Она ждет минуту, две, три, пять, десять, но на счет ничего не возвра-

щается.

Джастин поторапливает ее, сообщая, что клиент злится, почему не выполняются условия работы. Он ждет поднятия рейтинга очков.

Мне неясно, откуда такие суммы? Вы можете мне просто вернуть мои деньги и все? Я нажала на вывод средств, кошелек обнулится, но ничего не вернулось. Что за обман?

В ответ бегают три точки. Джастин набирает сообщение. Но вместо слов появляется смайлик, где человечек прикрывает от недоумения лицо.

Сейчас ваши средства оказались замороженными клиентом, потому что вы выполнили неверные действия. теперь вы не сможете вернуть их.

Тогда внутри Фэй все обрывается. Как ей отдать пятьдесят долларов, снятых с чужого счета? Ее начинает трясти, и тошнота подступает к горлу. Она стучит по кнопкам клавиатуры на телефоне, и этот стрекочущий звук эхом отдается в ушах. Глаза покрываются пеленой слез.

Что мне делать теперь?

Я не знаю. Вы заблокировали доступ к кошельку. Сейчас я обратилась к клиенту. Надеюсь, что он проявит благосклонность и разблокирует доступ. Нельзя было делать того, что сделали вы. Я же прислала вам инструкцию.

Ожидание медленно убивает, словно яд проникает в каж-

дую клеточку, забирая за собой спокойствие. Фэй несколькими глотками осушает чашку остывшего кофе. Живот скручивает в спазме тревоги, в горле пересыхает.

– Что же делать? – надрывным голосом говорит она.

Клиент разблокирует доступ к кошельку, но вам необходимо выполнить дополнительное задание. Выкуп еще одного товара, потому что алгоритм сместился, и клиент теряет трафик активности. Вот новый товар.

Фэй открывает ссылку, где нужно выкупить серьги с аметистом. Стоимость восемьсот долларов ровно.

– Нет, нет, нет, – девушка подпрыгивает и роняет стул, тот со стуком падает на пол. Надеется, что дочку этот звук не разбудил. – Это что за стремный развод?

Запускает руки в волосы и с силой оттягивает их, словно пытается выдрать.

У вас всего двадцать минут. Если не успеете, тогда кошелек заблокируется снова.

Несмотря на сомнения, Фэй все же решается снова взять сумму со счета клиники.

Джастин торопит.

Меры по исправлению положения означают новый выкуп. Ничего не изменится, пока вы не выполните задание. Но и прибыль будет увеличена в два раза. Не делайте больше ошибок, иначе я не смогу вам помочь.

Девушка жмет на кнопку, и деньги уходят со счета клиники на счет выкупа. В личном кабинете появляется внесенная

сумма, фотография товара и количество. Она жмет кнопку «возврат денежных средств».

Я все сделала, как вы сказали.

Хорошо. Я не знаю других способов решения подобных. Клиент пошел на уступку.

Фэй выдыхает и надеется, что сейчас все закончится. Остается вывести деньги и вернуть вложенное. Проходит еще минут двадцать. Время давно переваливает за одиннадцать вечера. Внутри тела мандраж. Голова начинает болеть. Где-то за левым глазом отдает острая колющая боль. Наконец-то в кошельке выходит кругленькая сумма. Фэй не торопится выводить деньги, сначала она намеревается спросить Джастин.

Теперь можно?

Осталось задание, которое вы не выполнили. Это только дополнительный выкуп, чтобы снять заморозку средств. А сейчас вам надо сделать еще два выкупа. Только после этого клиент вернет деньги.

- Опять? Вы что там, издеваетесь, что ли?

Фэй скорее спрашивает саму себя, нежели обращается к девушке, которая сидит по ту сторону экрана. Она нервничает еще сильнее. Это не кажется уже безобидным заработком. Но она так сильно хочет забрать деньги, которые даже ей не принадлежат, что за пеленой накативших на глаза слез прячется желание продолжить. Не важно, что чутье подсказывает прекратить общение.

Выберите товар из двух предложенных: фен за восемьсот долларов или телевизор за две тысячи. Рекомендую первый вариант. Просто выкупите предмет.

Я не могу, у меня нет денег. Просто отдайте то, что я уже вложила. Мои деньги, и все.

Клиент не сможет оплатить, пока работа не будет выполнена полностью.

Трясущимися руками Фэй снова открывает доступ к счету клиники, переводит их на свой счет и оплачивает восемьсот долларов. Затем ждет. Но банк предупреждает о сомнительном платеже.

У меня пришло странное сообщение от банка.

Вам нужно подтвердить платеж. Иначе операция будет отменена. Подтвердите банку, что вы оплачиваете товар. Только скорее, клиент нервничает, что так долго.

Чат с другими участниками уже не активен. Фэй просматривает сообщения. Абсолютно все члены группы скинули скрины поступления средств обратно. Все довольны и давно закончили работу. Только Фэй остается еще на связи с Джастин. Если бы она не нажала на вывод денег раньше, до того, как закончить все задания, тогда бы она уже сидела и наслаждалась деньгами. Что же ей делать?

На экране высвечивается номер телефона. Это банк. Фэй берет трубку и молчит.

– Здравствуйте, меня зовут Николь Петерсон. Я сотруд-

ник банка Citigroup. Вы Фэй Уинди?

– Да, верно, – ее голос дрожит. В горле пересохло.

– На вашем счету происходят подозрительные транзакции. Подтвердите покупку или мы заблокируем счета.

– Я...да, я покупаю фен.

– Банк зафиксировал подозрительный счет. Вы уверены, что покупаете на официальном сайте?

– Да, все хорошо. Я уже покупала там.

Они прощаются, и оплата проходит.

Все сделано. Я хочу получить свои деньги обратно.

Я вам уже говорила, что необходимо выкупить все товары. Сейчас последнее задание. И тогда клиент оплатит работу.

Сердце Фэй сжимается, ее тошнит. Ей совершенно не хочется верить в то, что она попала в такую хреновую ситуацию. Она больше не может сидеть на месте, встает, но голова кружится, и тогда Фэй цепляется за стол. Она тихонько воет от понимания, куда влезла.

Верните деньги, пожалуйста.

Вот последнее задание. Выберите товар на выкуп: часы Rolex семь тысяч семьсот пятьдесят долларов или девять тысяч шестьсот тридцать долларов.

Нет! Вы мошенники! Верните деньги! Каждый раз вы просите все больше и больше!

В ответ Джастин снова отправляет ссылку на два товара.

Фэй судорожно набирает сообщение в группу, где нахо-

дятся все участники. Пишет, что ее обманули. Что будет жаловаться на руководство и напишет заявление в полицию. Но никто ей не отвечает. Осознание приходит постепенно. Она открывает список всех, кто в этой группе, и просматривает его: одни молодые люди. Просто фотографии и имена. На одном снимке стоит фотография девушки, но имя мужское.

Вверху экрана всплывает сообщение от Джастин.

Ваш кошелек был заморожен по вашей вине. Клиент согласился продолжать работу с вами, но при условии дополнительного выкупа. Все случилось из-за вашей ошибки. Сейчас, чтобы вывести средства, вам необходимо выполнить последнее задание.

Я буду жаловаться!

Вы имеет право подать жалобу. Вам просто нужно сообщить полиции, что вы отказываетесь выполнять условия работы. Это нужно обязательно указать в жалобе, иначе столкнетесь с судебным иском от нашей компании за невыполнение заданий и риск клиента.

Фэй громко выдыхает, а слезы градом катятся по щекам.

– Что я наделала, – всхлипывает она, и из носа текут сопли. Она вытирает их рукавом кофты.

Она так злится на собственную глупость, оттягивает волосы с такой силой, что выдирает целый клочок, безмолвно кричит и утыкается лицом в ладони. Затем берет салфетки и трет руки, пока те не становятся красными. Снова набирает сообщение, гневно перебирая пальцами.

Мне нужен главный менеджер. Кто-то, кто решит эту проблему.

Фэй не сдаётся и снова пытается добиться возврата средств. Она также нажимает на кнопку вывода денег, но кошелек обнуляется, а деньги так и не возвращаются. Она ждет и ждет, вытирая слезы, раскачивается из стороны в сторону. Живот скручивает узлом, она готова умереть, лишь бы вернуть чужие деньги обратно на счет. Обновляет страницу, и вот в кошельке снова красуются фальшивые тысячи долларов.

Пожалуйста, верните деньги.

Джастин ничего не отвечает. И тогда Фэй пишет снова и снова. Умоляет операционистку помочь.

Моя задача – просто помочь вам оформить выкуп товара, вывести деньги по инструкции. Если вы не можете найти решение самостоятельно, то никто вам не поможет. Вам нужно просто выкупить последний товар.

Тишина, царящая в комнате нагнетает обстановку сильнее. Бедная Фэй пытается сделать глубокий вдох, но из-за истерического рыдания, не может. Она боится признавать провал, боится, что Салли проснется и увидит мать в таком состоянии, боится, что теперь доктор Нильсон узнает, как она обворовала его, и выгонит на улицу, распустив слухи о об украденных деньгах. Что теперь будет? Сможет ли она найти решение?

Мне просто нужны мои деньги.

Снова отправляет сообщение. И то, что получает в ответ, выбивает почву из-под ног. Фэй понимает, что это конец.

Тогда иди к полицейским, посмотри, смогут ли они тебе помочь

1

Меня зовут Эверли Свиндл Синклер. Это мое настоящее имя. Или нет. Хотя имен так много, что я иногда путаюсь. Могу быть кем угодно: Анной, Габриэлой, Анджелой, Лили, Солисита, Венерой, Пайпер, Чайси, Линой, Карлой, Моникой, Джастин или Минни. А все потому, что я мошенница.

Я помогаю людям, богатым и бедным, – расставаться с деньгами. Робин Гуд для себя самой. В современном мире надо быть эгоисткой. Если не ты – то тебя. С детства я мечтала жить в роскоши, есть, что хочу, а не что найду в мусорном баке в подворотне у дешевой забегаловки, одеваться красиво и дорого, ходить в салоны и выглядеть как кинозвезда. Но с непутевой матерью, ищущей чем вкинуться и какого-нибудь мерзкого старика, чтобы перепихнуться с ним за десять долларов, вряд ли моим грезам светило стать реальностью. Тогда приходилось импровизировать, чтобы выжить. Сначала я таскала деньги у мамкиных мужиков. Это было неумело и очевидно, потому после обнаружения краж, они избивали ее на моих глазах. Я видела, как у мамы вылетели передние зубы, после того, как громила из Бронкса ударил ее лицом о ржавую раковину трейлера, где мы жили. Затем он тянул ее за волосы с такой силой, что выдрал прядь волос. Мама верещала так пронзительно, что мне стало плохо. Я призналась, что взяла деньги. И этот громила приходил к маме каж-

дый день, чтобы та отработывала долг. А она - колошматила меня.

Жили мы не просто бедно, а на грани дна. В третьем классе меня обкорнали налысо, потому что завелись вши. Никто не дружил со мной. Родители других детей жаловались и писали в органы опеки, чтобы дочь, то есть меня, изъяли у матери. Не хотели, чтобы я училась с их детьми, потому что одну из одноклассниц, Келли Уиттакер, я избила и забрала ее ланч. Просто хотела есть.

Но учителя защищали меня и мои права. Училась я на высшие баллы. Мой мозг работал на полную мощность. Я всегда придумывала что-то для школы, выигрывала олимпиады, знала больше, чем сверстники. Гениальна ли я? Возможно.

Миссис Каннингэм приносила старые вещи своей дочери, которая выросла и уехала в другой штат. Подкармливала, приглашала домой, чтобы я мылась, рассказала про месячные и купила гигиенические принадлежности, потому что мама была в постоянном забвении, и ей было плевать.

Женщины, которая меня родила, не стало, когда мне было шестнадцать. Ее нашел дальнобойщик, сбитую и валяющуюся на обочине. К тому моменту я уже могла обыгрывать мальчишек в покер, шантажировать, воровать так, что никто не заметит, вымогать деньги.

Затем я познакомилась с Эдом, моим первым. Он обучил меня махинациям и разводу людей на бабки через телефон,

однако вскоре Эд умер. Свихнулся и повесился. У него никого не было, так что на погребальной службе я провожала его одна. А еще священник или кто он там, не знаю. Что же, после выпуска из старшей школы мне светил колледж и стипендия, потому что я чертовски способна. Но я не хотела и не хочу тратить время на чушь в виде диплома, если и без картонной бумажки могу заработать. Все, что мне надо в жизни, - деньги. Много денег. Горы денег, нет - океан.

Сейчас мне двадцать восемь, я красивая, молодая и я нагибаю людей, чтобы жить в роскоши. На моей странице в соцсетях одноклассники давятся завистью от того, какую жизнь им показываю. И это возбуждает. Разве может быть хоть что-то сексуальнее, чем власть и деньги? Да! Много денег. И много власти.

Боюсь ли попасться? Да, но ведь всегда можно выкрутиться. Хотя я была всего лишь раз в шаге от поимки и заключения под стражу, но весь удар принял на себя мой муж. Да, вы не ослышались – муж.

В данный момент он сидит на скамье подсудимых и ждет приговора. Рядом – неказистый молодой адвокат, бесплатный государственный защитник. За столом справа – прокурор и сторона обвинения, милая старушка, которую он якобы обманул. О, кстати, моего мужа зовут Мик Синклер, бывший подающий надежды футболист, долгожданный сын и король выпускного. Но что делает с людьми любовь? Правильно – уничтожает или меняет.

Пока судья оглашает приговор и объясняет, какие факторы он учитывает и чем руководствуется, я разглядываю зал суда. Бежевые стены, огромные окна в старых облупившихся деревянных рамах, вытертое красное ковровое покрытие угнетают и без того ужасно напряженную обстановку. В центре располагается массивный судейский стол из дерева, скорее всего, дуба, покрытого уродской коричневой краской и лаком. Свидетельская кафедра сегодня пуста, но несколько месяцев назад там давали показания свидетели. Я естественно сослалась на супружескую привилегию, потому сидела там недолго. Правее кафедры скамья присяжных. Сейчас она заполнена дюжиной незнакомцев, чье мнение сошлось на единогласном решении «виновен».

Мик опустил голову. Он молча слушает приговор. Судья что-то бормочет, я не вслушиваюсь. Притворяться осталось недолго.

Судья продолжает говорить, называть законы и прочее, но сердце стремительно начинает биться, когда слышу это:

– На основании представленных материалов и устных заявлений, суд постановляет, что подсудимый Микаэль Синклер настоящим приговаривается к следующему: лишение свободы - подсудимый приговаривается к восьмидесяти четырем месяцам лишения свободы в учреждении Федерального бюро тюрем. Этот срок отражает серьезность правонарушения, способствование отправлению правосудия признанием вины и отсутствие предыдущей судимости подсуди-

мого...

Дальше мои мысли витают в облаках. Я отделалась легким испугом. Он не выдал меня. Мой муж, которого я втянула в аферу века, просто промолчал и взял вину на себя. Он так сильно меня любит, что готов отдать свободу за меня. Интересно, а жизнь?

– ... приговаривается к выплате возмещения ущерба в общей сумме двести пятьдесят тысяч долларов...

Родители Мика рыдают. Я хлопаю его мать, Элизабет, по плечу, но она мешком повисает на муже и демонстративно отодвигается от меня. Знаю, я им не нравлюсь. Они подозревают, что их драгоценный мальчик просто не мог так поступить с бедной старушкой, что это моих рук дело, но они понятия не имеют, что он соучастник.

– Я люблю тебя, – кричит Мик, и его уводят под руки судебные исполнители. В дверях между судейским столом и скамьей присяжных он бросает на меня последний взгляд и одними губами произносит:

– Дождись меня.

Конечно, дождусь. Я чуть не расхохоталась, но пытаюсь сдерживаться. Мне надо делать вид, что расстроена, что приговор не справедлив. Кто-то подходит ко мне, что-то говорит, но я пропускаю все мимо ушей. Мне не интересно, я хочу поскорее убраться отсюда, свалить из Нью-Йорка и начать наслаждаться своими средствами и роскошной жизнью. Все деньги выведены на офшоры через сторонний банк. Так

что никто не знает. Или не может доказать.

Пускаю скупую лживую слезу и спешно покидаю зал суда, оставляю позади горюющих свекра и свекровь.

На улицах Нью-Йорка утопаю в клаксонах проезжающих мимо автомобилей, гуле строительно-ремонтных работ и разговорах людей. Солнце слепит глаза, а ветер обдувает лицо. Конец июня – чудесное время. Спускаюсь по ступеням, их тридцать восемь, и на последних трех чей-то мужской голос окликает меня.

– Миссис Синклер, что вы думаете о приговоре вашему мужу? Как думаете, семь лет, это слишком суровое наказание? Вы знали о его махинациях? Вы причастны к ним?

Надеваю темные очки и распускаю волосы, убранные в пучок для элегантности. Тороплюсь прыгнуть в старый пикап, который служит лишь прикрытием.

– Без комментариев, – бросаю я, прикрываясь от папарацци. Конечно, мое фото уже всплывало в газетах, но я больше не хочу светить лицо.

Прыгаю за руль и включаю зажигание, на всю врубается «Show must go on», и прониливый журналюга ухмыляется. Выкручиваю звук на ноль и даю по газам. Плевать, что он напишет. Все позади. Бросаю взгляд на небо – синее, ясное, ни облачка. Сворачиваю с Перл Стрит и двигаюсь на юг, подальше от этого города.

Главное правило, которому я следую, – «никому не доверяй и никого не жалеешь». Звучит комично, но как есть. Это лучшее, что я могла сделать для себя. Нельзя доверять никому. И в особенности – мужчинам. Они так и норовят обвести вокруг пальца и ободрать как липку, при этом делая вид, будто ведут себя по-джентельменски. А от джентельменов у них только название. Между ног отросток, который ни на что не влияет, но они судорожно и неумолимо пытаются доказать, что пенис еще что-то значит, и продолжают обижать женщин. Каждый мужчина, которого встречала на своем пути, пытался залезть под кожу. Но я его быстренько оттуда вырезала.

Не жалеть никого – самое важное. Иначе можно ли сколотить состояние, если постоянно присматриваться, кто из потенциальных жертв – богатый или бедный, беременная, старик, дети или немощные? Нет! И где бы я сейчас была, если бы не обросла броней и жалела всех подряд? Точно не в тачке и не с кругленькой суммой на счету.

Стейтен Айленд позади, как и предыдущая жизнь. В объятиях потока машин на автостраде до Нью-Джерси чувствую прилив сил. Солнце печет кожу на левой руке, высунутой из окна. Ловлю встречный ветер. Чуть ниже солнечного сплетения образуется яркое приятное волнение от победы. Я всегда

хорошо соображала, и именно это мне пригодилось в жизни. Мы с Миком провернули одно дельце, за которое он теперь сидит, а я купаюсь в лучах свободы. Год назад, как раз, когда выходила за Мика замуж, придумала схему обмана на довольно крупные суммы. Улов тот еще: нужно просто быть убедительным. Одна моя помощница, Бетси, создала сайт, бэкграунд и юридический адрес, а все остальное мы делали уже без ее участия, отвалили ей хорошенькую сумму. Я была туроператором, который продавал дорогие поездки за границу. Глупенькие женщины и мужчины несли сами мне деньги, а я «бронировала» несуществующие курорты, билеты на самолет и остальное, но на самом деле, присваивала все средства себе. Когда клиент понимал, что его обманули, уже было слишком поздно. Проходило несколько месяцев, прежде чем они замечали убытки и обращались в полицию.

Но как нас, точнее Мика, поймали, спросите вы? Один коп из отдела по борьбе с киберпреступностью прикинулся клиентом, отследил доменный IP-адрес, который мы не скрыли. Вернее не успели скрыть. И адрес запинговали в нашем районе, недалеко от дома, где мы обитали с Миком. Уж не знаю, как именно они вышли на нас, но пасли, видимо, долго. Хотя мы собирались прикрыть эту схему после восьмого клиента, копа под прикрытием, все же мы попались. Но почему Мик, а не мы оба? Потому что этот придурок взял всю вину на себя. Он готов свернуть горы ради меня, потому что боится потерять. Кто-нибудь может представить, что

девушка мечты, королева школьного бала, красотка с пышной грудью и тонкой талией посмотрит на такого патлатого сгорбленного неудачника, потерявшего возможность построить карьеру в футболе из-за дурацкой травмы? Вероятно, нет. Потому Мик, дабы хоть как-то удержать меня, согласился даже на мошенничество. А еще он делал некоторые переводы через свой счет, что и вызвало подозрение. А когда копы надавили, и вовсе признался, но не обмолвился и словом обо мне. Я же говорю – придурок. Влюбленный придурок. Я пообещала, что вытащу его из тюрьмы, а затем слезно просила держаться, и что я обязательно его дождусь. Но в моих планах все иначе.

С моста Готулза открывается шикарный вид на соседний штат. Сворачиваю на I-95, в южном направлении, держу путь до Трентона, там меня ждет остановка и смена авто.

По радио играют песни восьмидесятых, трасса не особо загружена, и я мчу навстречу шикарной жизни. Две большие фуры дальнобойщиков пролетают мимо, и один из них гудит так, что я подпрыгиваю, на мгновение теряя управление.

– Кретин! – кричу, высунувшись из окна. Правой рукой пытаюсь дотянуться до бардачка. – Черт!

Не получается, и я психую, долблю по рулю.

– Долбанный кретин!

Кричу так, что в параллельно едущем джипе на меня косятся какой-то дед. Я показываю ему средний палец и ору, чтобы он шел к черту. Я так вцепляюсь пальцами в руль, что

белеют костяшки. Рваное дыхание сопровождается раздувающимися ноздрями. Ненавижу собственные вспышки гнева. Они не контролируются, хотя я пытаюсь. Даже посещала курсы по контролю эмоций, психолога, психотерапевта. Но они бесили еще сильнее, и я бросила. На хрен такие курсы, которые разжигают тлеющий уголек.

Считаю в обратном порядке от десяти к одному, сначала громко и со психом, чтобы выплеснуть последний свой яд, а затем медленнее, стараясь отпустить ситуацию. Не замечаю, как проезжаю табличку I-195/Трентон, и чуть ли не пропускаю съезд на 7А.

– Боже, – рычу гневно я, – как же все бесит!

Сворачиваю на обочину и торможу.

– Где же вы, – крихчу, перевалившись через автомат.

В бардачке лежит смятая пачка сигарет, ее я и искала. Выхватываю одну штуку и зажимаю фильтр в зубах, жму на старенький прикуриватель, и сигарета вспыхивает яркими красными угольками, как солнце во время пожаров. Как же давно я не ощущала никотин на языке. Но затем я закашливаюсь, и кислый привкус неприятно обволакивает рот. Выбрасываю сигарету за борт. Достая свой второй мобильник. Он кнопочный. Такие не отследить, не прослушаешь, не взломаешь. Набираю цифры знакомой, с которой мы уже несколько раз работали, и слышу гудки. Слишком долго она не подходит к телефону. Давай же, давай.

– У Бетси.

– Кофе с орехами.

Это наш пароль. Хотя я уже сказала, что мой старенький «Блэкбери» не прослушивается, что у нее за аппарат, я не в курсе.

– Заказ принят.

Девушка скидывает. Теперь она знает, что в деле, и мы продолжим сотрудничество. И я, довольная, закурываю еще одну сигарету. Легкие обжигает, я немного закашливаюсь, но все же тело помнит. Привычки не искоренить. Даже если вы их бросаете, вы не забываете. Спустя годы можно вернуться к ним, и как будто не было этих долгих мучительных лет разлуки.

Мне нужно только добраться до Трентона, а там я сменю тачку, проверю счет и сниму наличные. Совсем скоро я осуществлю еще одну мечту из детства – доеду до Сан-Франциско.

В городе шумно. Дома здесь все такие белые. Проезжаю вдоль центральной улицы, сворачиваю в проулок и бросаю тачку на парковке. Даже не пытаюсь закрыть ее, а просто оставляю ключи в зажигании. Если ее угонят, на что я очень надеюсь, еще один плюс к моему исчезновению.

На Уоррен Стрит меня ждет мощный «Додж». Выбор пал на эту тачку, потому что популярная марка, и я легко солюсь с толпой. Думаю, таких до фига и больше, и еще комфортабельный салон – удобно, внушительно, солидно.

Бетси, так я называю анонимную сообщницу, с которой я уже больше года работаю, сказала, что ключи будут у владельца небольшой забегаловки «Братья». Она находится буквально в двух шагах на другой стороне улицы от «Доджа».

Внутри звенит колокольчик. Бармен, натирающий пивные кружки, заходит за стойку и поднимает голову, но совершенно не заинтересованный гостьей, снова опускает взгляд и делает свою работу.

– Привет, – говорю я и усаживаюсь на барный стул.

У бармена уставший вид: мешки под глазами, растрепанные волосы и след от помады на белой, но застиранной рубашке.

– Чего налить? – грубо отвечает он вопросом на вопрос.

Здесь все такие приветливые? Бетси могла бы найти местечко поприятнее, чтобы оставить ключи от моей машины.

– Воды.

– Из-под крана пойдет?

– Вполне.

Мы переглядываемся. Я не отвожу глаз. Эту битву я выиграю, мальчик. Из дверей, как в старых салунах, выскакивает официантка. На ней тоже белая блузка, которую она небрежно заправляет в джинсы. Помада слегка размазана, губы припухли. Она испуганно смотрит на бармена, наливающего мне воды из бутылки, кстати, а не из-под крана, и краснеет. Хватает тряпку и отправляется протирать столы в маленьком зале на несколько посадочных мест. Ясно, у них перепих был буквально за мгновение до того, как я вошла.

– Три доллара, – ставит бармен стакан с водой.

– Да вы обдираете народ! – пытаюсь придумать что-то остроумное, разрядить обстановку, чтобы наконец забрать ключи, но бармен лишь недовольно хмыкает. Кладу пять баксов и спрашиваю: – Ключи от «Доджа» у тебя или мне надо владельца позвать?

Бармен перестает тереть стакан и осматривает с ног до головы.

– От Бетси, – тут же добавляю.

Он лишь вздыхает и удаляется туда, откуда вынырнула официантка. Странный чувак, аж не по себе.

Бармен снова появляется и бросает ключи на стойку.

– Бетси сказала, ты заплатишь. Триста баксов.

– Ну, точно, обдираловка.

Думаю, он выдумывает на счет оплаты, потому что Бетси давно оплатила хранение и присмотр. Ну ладно, прикрою себя на случай, если кто-то будет что-то спрашивать, коп, например. За деньги, возможно, не выдаст. Вынимаю из кармана несколько смятых купюр, там больше пятисот долларов, и со стуком припечатываю их к столешнице.

– Спасибо.

Двигаюсь к выходу, и передо мной возникает стремный мужик. На нем потертая жилетка, от него несет табаком и дешевым пойлом, волосы засаленные. Он улыбается мерзкой похотливой улыбкой, У него два передних нижних зуба черные и гнилые. Морщу нос от неприятной картины.

– Простите, дамочка, не подбросите? – обращается он ко мне. Растянутые спортивные, истоптанные кроссовки в грязи и серый худи. Мужiku лет сорок на вид.

– Сам дойдешь, – просачиваюсь между ним и дверью, задерживая дыхание. Рвотный позыв от вони сжимает горло. И только на улице позволяю сделать глубокий вдох. На бордюре сидит юноша. Не обращая на него внимания, пересекаю улицу и жму на брелок. Двери черного «Доджа» с характерным щелчком раблокируются. Сажусь за руль и закрываю дверь, но она не захлопывается. Стремный мужик нависает надо мной и держит ее.

– Кажется, вы не слышали просьбу! – он оголяет свои

страшные пеньки вместо зубов, и гнилое зловоние вырывается из его рта.

– Боже, катись к чертям, урод! – дергаю дверь в попытках закрыть, но он сильный, мать его.

– Ты кого уродом назвала, сука? – хватает меня за рукав и тянет из тачки. Я цепляюсь за руль и нажимаю на клаксон. Может, хоть кто-нибудь прибежит на помощь?

– Чего тебе надо? Отвали!

Отбрыкиваюсь, и левой ногой отпинаваю грязного проходимца. Но ему удастся вытянуть меня из машины. Шлепаюсь задницей на асфальт и ударяюсь головой о порожек «Доджа». В затылке пульсирует острая боль, а мысли расплываются, превращаясь в месиво неразборчивых слов. Мужик заносит надо мной кулак, и я готовлюсь к худшему. Какого хрена он вообще докопался до меня? Гнев снова вспыхивает, и желание прибить ублюдка возрастает магнитудой восемь по шкале Рихтера.

– Ты не понял, что тебе сказали? – в стороне раздается мужской, но молодой голос. Без хрипотцы и жесткости. – Отвали!

И теперь сквозь вспышки перед глазами вижу, как мужик заваливается назад, а сверху усаживается кто-то. Зажмуриваюсь и слышу глухие удары, возню и стоны. Затем все звуки затихают, только кряхтение и шорохи постепенно удаляются.

– Как вы?

Разлепляю глаза. Передо мной протянутая рука. Недоверчиво поднимаю взгляд на человека, стоящего передо мной. Это тот парень, который сидел у бара. На нем спортивные, потертые кроссовки, давно не белые, и футболка.

– Кровь на одежде, – киваю, указывая на капли на футболке.

– А, это ничего. В порядке?

– Ага. – Беру его за руку, и парень помогает подняться. Потираю затылок, который все еще болит. – Здорово он меня приложил. А где он?

Оглядываюсь и не замечаю мужика.

– Ушел домой, – парень расплывается в улыбке.

Такой молоденький. Еще ребенок. Интересно, ему и восемнадцати наверняка нет. Густые брови на тон темнее его светло-русой копны волос с золотым и рыжим отливами, лицо, усыпанное веснушками, полные губы, островатый нос и светло-медовые глаза. Никогда не встречала подобного типажа мужчин. Он подбирает рюкзак, вставляет наушник, который вытянул из кармана, разворачивается и идет в сторону бара.

– Эй, – делаю шаг вперед, но держусь за дверку «Доджа». – Спасибо!

Парень лишь поднимает руку в знак принятия благодарности и скрывается за поворотом.

Когда усаживаюсь за руль нового автомобиля, запираю все двери, чтобы никакой подобный ушлепок не напал на меня.

Шарю в бардачке, проверяя, что там, натыкаюсь на пачку парацетомола. Хм, как предусмотрительно. Съедаю две штуки, чтобы унять головную боль. Проглотить удастся без воды. Справа в откидном подлокотнике лежит картхолдер. Внутри водительские права на имя Грейс Хэллсвуд.

– Прощай, Эверли Свиндл Синклер, – завожу тачку. «Додж» ревет как бешеный. Выруливаю на главную дорогу и отправляюсь дальше.

Чувствую ли я угрызения совести? Мой ответ: нет. Каждый выживает в этом мире, как может. Чем я хуже? Мне не повезло родиться в королевской семье или быть родственницей шейха, я не хватаю звезд с неба и не красуюсь на билбордах по всей стране. Моя цель – сколотить состояние, чтобы можно было до конца жизни пить коктейли и провожать закаты в джакузи с видом на Гранд Каньон. Ладно, с каньоном преувеличила, но с видом на море – уж точно хочу. Потому мой маршрут – дорога от Нью-Йорка до Сан-Франциско, а там кто знает, может быть и Лос-Анджелеса.

Кто-то посчитает приключением дорожное путешествие на тачке, еще и «Додже», а кто-то покрутит у виска, мол «чокнутая, одна и через всю страну». Ну а я в восторге от собственной идеи. Дело мужа о мошенничестве получило резонанс в «Большом Яблоке», потому собираюсь скрыться на другом конце страны, в штате, где вечное солнце, пляжи и те, кто пытается исполнить американскую мечту и вырваться в люди, как и я. Только все они легально, а я – не совсем.

Заворачиваю к «Старбаксу», паркую тачку и вхожу в кафе. За прилавком девушка примерно моего возраста. У нее мешки под глазами, отеки, усталый вид. Наверняка, вкалывает по двенадцать часов, подавая кофе, не спит, получает стремные чаевые, которые кидают всякие сердобольные по-

сетители в банку с названием «На мечту». На какую мечту, детка? На майку или блеск для губ? Разве на мечту можно заработать честным трудом? Вряд ли. Девушка широко улыбается, и эта улыбка искренняя, что очень странно. Я называю ей имя, она пишет что-то на стаканчике. Жду буквально несколько минут, и вот в руках - горячий американо. Ненавижу кофе с добавками. Только чистый кайф – горький и обжигающий. Даю пять баксов и говорю, что сдачи не надо. Отпиваю кофе, громко прихлебывая. Могла бы кинуть пару монет в копилку, но вряд ли мне надо, чтобы она зафиксировала меня в памяти. Лучше оставаться незамеченной, чем оказывать жесты доброты, рискуя запомниться.

На улице потрясающая погода. Лето, излучающее вайб бессонных ночей и вечеринок. Замечаю на стаканчике имя «Гросери»². Не забыть бы, кто я сейчас, Грейс. У меня в копилке больше семнадцати имен. И лишь раз я воспользовалась настоящим, когда выходила замуж за Мика. Ошибка номер один, знаю, но ее уже не исправить.

Прыгаю в «Додж», врубаю радио, а кофе ставлю в держатель для стаканов. Стекло опускаю до максимума. Немногочисленные прохожие не спеша прогуливаются по тротуа-

² от англ Grocery – бакалея, продуктовый магазин (Теория заговора (маркетинг): многие считают, что бариста намеренно коверкают имена, чтобы клиенты фотографировали ошибку и выкладывали в соцсети. Это создает бесплатный вирусный маркетинг. Хотя официального подтверждения этому нет, бывшие сотрудники признавались, что иногда развлекались таким образом во время скучной смены)

рам. Люди никуда не торопятся. В этом и есть удовольствие небольших городов. В Нью-Йорке все гораздо сложнее. Люди спешат, постоянно и неизменно. Никто не хочет остановиться и насладиться моментом. Никто не хочет понять, что жизнь заключается в свободе и возможности быть там, где они есть. Ведь для кого-то жить в одном из самых популярных городов мира – большая мечта. Так что, если вы вдруг встретите человека, восхищающегося Нью-Йорком, то это точно турист.

Подключаю навигатор, и женский голос твердит, что мне надо выйти на магистраль I-76 и поехать через Питтсбург. Весь маршрут займет у меня дней пять, а то и неделю. Больше двух с половиной тысяч миль пейзажей и разной еды, мотелей, достопримечательностей и свободы.

Уже на выезде из Трентона вижу вдалеке фигуру. Кто-то медленно идет вдоль дороги по серпантину. Приближаюсь и узнаю парнишку, заступившегося за меня у бара. Тот самый худощавый юноша плетется по жаре с рюкзаком на плечах.

– Проезжай мимо, Эверли, – цежу сквозь зубы.

Сбрасываю скорость и медленно сравниваюсь с ним. Выкручиваю радио на минимум.

– Эй, – он поднимает руку в знак приветствия и скромно улыбается. – Кто-то еще пристает?

Шутник, значит.

– Нет, – мешкаю, думаю, просто еще раз поблагодарить, но с языка слетает другое. – Далеко собрался? Подвезти?

Парень останавливается буквально на секунду и тут же продолжает идти.

– О, что вы, нет. Вы же мне ничем не обязаны.

– Да брось, ты практически спас мне жизнь, – господи, Эйви, угомонись, просто поезжай, что ты прицепилась к парню?

– Если только самую малость, – он почти кричит из-за шума проезжающих автомобилей.

Я прижимаюсь к обочине, чтобы другие водители перестали нагло мне сигналить.

– Не уверен, что нам по пути.

– Может, для начала скажешь, а потом решим?

Боже, я что флиртую? Как отключить эту функцию, когда я не на работе?

Парень сомневается, но все же останавливается, и я торможу.

– Хьюстон, Техас.

– Тогда запрыгивай, – киваю на соседнее кресло.

Его лицо озаряется мимолетной радостью.

– Серьезно? Вам туда же? – уже открывает дверь и прыгает на сиденье, а рюкзак кидает назад.

– Не совсем, но до Техаса точно доброшу. А там, кто подберет.

– Круто!

Не то слово, Эйви. Круто! На хрена ты подобрала пацана? Тебе не нужны ни попутчики, ни свидетели, ни компаньоны.

А работать ты как собралась?

– Не боитесь? Вдруг я маньяк? Ловлю тачки, убиваю хорошеньких девушек. расчлению на куски, затем разбрасываю по штатам.

– А вдруг маньяк – это я.

Парень удивляется моему утверждению, поднимая брови домиком, будто так и хочет спросить: «Что ты несешь?». Его рот кривится в неуверенной улыбке.

– Может быть, я тебя и не расчленю и по штатам не раскидаю, но, если тронешь меня хоть пальцем, отрежу руки и засуну в твою задницу.

Он немного мешкает с ответом.

– Лады, – наконец выпаливает он.

– Кстати, ты не похож на маньяка, если ты не Тед Банди, то бояться нечего. В основном, они все страшные. А ты красавчик.

Ну вот, Эйви, приплыли. Ты делаешь сопляку комплимент.

– Согласен, только Тед Банди. Он мордашкой вышел на ура. Женщины боготворили его.

– Как тебя зовут? – ну вот, еще и знакомиться собираешься.

– Доусон.

Я выжидаю, но он больше ничего не сообщает.

– Просто Доусон? – шуюсь.

– Ага. А вас?

– Тебя! Я не такая старая. Я – Грейс.

– Просто Грейс?

– Ага.

Боковым зрением замечаю, как он улыбается.

– Ладно, Грейс, куда держишь путь?

– Путь это для верующих в Бога, а я так – катаюсь туда-сюда.

Естественно, Доусон не должен знать ничего обо мне, что могло бы потом как-то навести на меня. Лучше давать очень размытые ответы, и минимум подробностей. Информация ни к чему. Можно было бы наврать что-нибудь, но я могу и забыть. Еще не вжилась в роль Грейс.

– Не хочешь, не говори. Согласен, – он достает рюкзак и начинает в нем рыться. Выглядит весьма подозрительно. Надеюсь, там не нож или что-то такое. – Не против?

Бросаю взгляд. Он держит в руках банку колы и сэндвич.

– Нет.

Надеюсь, не заляпает сиденье.

– Голоден. Не ел с самого утра.

Киваю, но ничего не говорю. Уже жалею, что подобрала его.

– Тебе зачем в Хьюстон?

Парень жует и не торопится с ответом.

– Если не хочешь – не говори, – повторяю его же слова.

– Мама там. Свалил от отца. Они в разводе. Не хочу жить с ним. Мы разные, если понимаешь о чем я.

Снова киваю. Парень доедает в спешке сэндвич, будто кто-то у него изо рта сейчас выхватит, и с хлопком открывает колу. Молодец, ничего не пролил.

– Можно? – тянется к кнопкам звука и делает погромче, не дожидаясь разрешения. По радио играет Эминем. Доусон повторяет слово в слово за ним, так же бегло и интонационно, дергается в такт.

И зачем ты его подобрала, Эйви?

Откидываю голову на подголовник и сдерживаюсь, чтобы не дать парню подзатыльник. Господи, у него рот вообще закрывается? Ну и дорога меня ждет.

Собираюсь залечь на дно или продолжить обманывать людей? Сложный вопрос. По сути, на жизнь мне хватает. На роскошную жизнь – недостаточно. Потому – буду продолжать свою деятельность. Сейчас нужна новая схема, потому что в реальности очень быстро стала распространяться информация о способах мошенничества, и люди теперь опасливее, чем раньше. Уже мало кто готов выложить крупную сумму. В основном заработок на мелочевке. Сейчас есть одна идея – искусственный интеллект. А пока мне необходимо добраться до Калифорнийского побережья.

– Ну так что? – спрашивает Доусон. На его лице в свете солнечных лучей веснушки становятся заметнее, чем до этого.

– Что? – Не понимаю, о чем он спрашивает. Перевожу взгляд на него, затем на дорогу, и снова на него. – Что?

– Ты не слушаешь, - он будто обижается. Ну что за ребячество!

– Слушаю, – а я будто оправдываюсь.

Сжимаю руль, потому что внутри нарастает раздражение. Обручальное кольцо врежется в кожу на безымянном пальце. Надо от него избавиться.

– Остановимся в Питтсбурге? Там есть на что посмотреть.

– А ты откуда знаешь?

– Был там с отцом. Один раз.

Киваю.

– Мы ездили, когда мне было пять. Я хотел попасть в хоккейную школу. Играть за «Пингвинз». Сейчас бы катался на одном льду с Малкиным.

– С кем?

– С Малкиным. Ну, это хоккеист известный, из России. Крутой чувак. Один из ключевых игроков. Он хоть и не очень скоростной, но удары у него четкие, хлесткие и точные. Он – живая легенда. Но все равно я больше за Кросби и Овечкина.

Он рассказывает с такой восторженностью, будто это лучшее, что может быть в его жизни. Глаза горят.

Когда мимо проплывают холмы и леса Пенсильвании, мы встречаемся лицом к лицу с тоннелями, через которые попадем в город. Черные дыры, словно бездонные глаза монстра, засасывают машины на автомагистрали. В темных стенах каменной трассы все выглядит мрачным, жутким, будто мы в фильме ужасов. Вот-вот мой попутчик прыгнет и вонзит в шею ножницы или что-то подобное. Вряд ли нож, он же не чертов «Крик», но вдруг какой-нибудь дорожный маньяк. Вопрос так и продолжает вертеться в голове: «На хрен. Ты. Его. Подобрала?»

– А ты в курсе, что Питтсбург считается «городом мостов»? Их тут насчитывают около четырехсот. Или даже больше. Мосты так грамотно построены, что под разными

ми углами создают причудливую геометрию. А еще в стеклянных небоскребах располагаются всякие крутые головные офисы, типа «Гугл» или «Убер».

– Откуда ты все это знаешь? – меня восторгает его пыливый ум. Для юноши он слишком любознательный. В его возрасте мне было плевать на всякие факты, если это не способ кинуть кого-то на бабки. Да, признаюсь, я все схватывала на лету, но всегда думала, таких смысленых, как я, почти нет.

– Вообще-то, я вундеркинд.

Вот как? На губах играет скупая улыбка. Думает, может обойтись этим? Если он вундеркинд, то я – президент США. Как же. Доусон замечает, что я не верю ему и хмыкаю, будто сомневаюсь.

– Думаешь, я болтун? Балабол, по-твоему?

– Я так не говорила.

– Но подумала. Подумала, мисс «Я все знаю, ведь я старше тебя».

Господи, как же ты достал меня. Высажу в городе, черт тебя дери.

– Раньше город считался грязным из-за количества концентрации токсичных веществ в воздухе, потому что заводы дымили как не в себя. А теперь воздух чуть ли не кристально чистый. А еще...

– Боже, у тебя рот вообще не закрывается, да?

Притормаживаю, когда мы выезжаем из тоннеля. Начинается пробка, и движение затрудняется. Впереди тачка,

старенький «Мерс». Он высовывается, пытаясь втиснуться между рядами, но его блокируют.

– Я пытаюсь заполнить неловкую тишину. Грейс. – Парень так напряженно произносит мое имя, мне это не нравится. – Всего лишь вежливый разговор. Только и всего. Если надо помолчать, без проблем.

Доусон откидывает спинку кресла и ложится, скрестив руки на груди.

Я продолжаю пялиться на дорогу. Проехав еще немного, перед нами открывается потрясающий вид на город, как с открытки. словно небоскребы внезапно выросли впереди. А закатное солнце играет в стеклах зданий. И уже на мосту через реку Мононгахила парень снова садится.

– Потрясающе, да? – на удивление, Доусон выглядит так, будто несколько минут назад не вел себя, как обиженный ребенок.

– Согласна.

Включаю онлайн-карту и запрашиваю ближайший мотель, чтобы остаться на ночь. Как правило, в отелях можно остаться незамеченной.

К небоскребам Даунтауна ведут три реки. Справа от нас ЭйСиАй Стэдиум, слева – мосты и холмы. Город сверкает, вызывая щенячий восторг.

Я включаю левый поворотник, перестраиваюсь в левый ряд и снова повторяю сигнал.

– Нам куда-то конкретно? Я думал, что проедем через

весь город, посмотрим что здесь и как.

– Надо переночевать. Завтра рано утром поедем дальше.

Доусон молчит. После того, как у нас случилась небольшая перепалка, он изменился. Совершенно не тот дружелюбный парень. Когда выруливаю на съезд к Даунтауну, глазами ищу карман у кафе или ресторана. Надо взять с собой еду на ужин, прежде чем отправляться к выезду из города и остаться ночевать в придорожном мотеле. Но поток такой плотный, что сунуться некуда. Навигатор глючит, и ведет с опозданием, потому я не понимаю, где можно свернуть. Когда он сообщает о нужном съезде, мы уже его проезжаем.

– Дерьмо, - стучу по рулю. – Что за тупая связь? Черт. Теперь надо снова перестраиваться в среднюю полосу. Только у торгового центра сможем свернуть на соседнюю улицу. Доусон, – окликаю его.

– Ага, – он поворачивается ко мне полубоком и внимательно смотрит. Я не поворачиваю головы, но ощущаю этот взгляд. Он будто рассматривает на мне каждый дюйм, раздевает глазами, пронзает, чтобы заглянуть внутрь.

– Нет, ничего.

Мне хочется сказать ему, что я не поеду с ним дальше — пусть найдёт другого попутчика, развлекает его своими идиотскими познаниями в агломерации, рассказывает, какой он вундеркинд, и сыплет прочими фактами. Но что-то удерживает меня.

– Ладно, – он косится. Наверное, догадывается и не лезет

с расспросами. – Знаешь, Грейс, – вот опять, в его голосе какая-то странная нотка, – ты извини, если я тебе досаждаю. Просто я волнуюсь.

– Волнуешься? – не понимаю о чем он. И уже волноваться начинаю я.

– Ну, я еду с тобой. А я знаю, кто ты такая. Потому – очень волнительно.

Он знает. Знает, что я мошенница? Что засадила мужа в тюрьму вместо себя? Что пытаюсь скрыться с радаров полиции и начать жизнь на другом конце страны, прячась от всех «жертв»? Что ему вообще обо мне известно? И откуда?

– И что же ты знаешь обо мне?

– Ты – такая же, как и я. Бежишь, чтобы начать с чистого листа и стать независимой. Я прав? Это волнительно – встретить кого-то похожего на себя самого.

Камень с души валится на землю. Нерв, который только что был натянут до предела, ослаб, и я вздыхаю с облегчением.

– Нет, Доусон. Мы не родственные души. Совсем не похожи.

Парень не спорит, а только поглядывает исподлобья. Будто оценивает сказанные мною слова.

Наш разговор остается чем-то недосказанным, случайным, нелепым или даже странным. Теперь едем в тишине, слушая лишь голос города. На выезде из Питтсбурга натыкаемся на автокафешку. Берем два тако, картофель фри и две

банки колы. И только когда останавливаюсь у мотеля, на лице Доусона проскальзывает тень сомнения.

– Что не так? – глушу мотор напротив светящейся вывески «Холмы: свободные места».

– Хочешь ночевать здесь?

– Да. Какие-то проблемы? Или ты привык к президентскому люксу и белым шелковым простыням? Извини, парень, но тогда тебе придётся вызывать «Убер» и валить в пятизвездочный отель.

– Можно, я останусь в машине?

– Хрена с два, Доусон. Хочешь ее угнать?

Мне не нравится вся затея с попутчиком.

– Нет. Я похож на угонщика «Доджа»? Да я даже водить не умею. Забери ключи, в конце концов.

Смотрю с подозрением ему в глаза. Я не доверяю незнакомцам. Он может лихо вырвать проводки, потерять их, завести тачку и уехать, пока я буду принимать душ в замызганном номере под струями вонючей воды (как это бывает в старых боевиках).

– Люди часто кажутся совершенно не такими, какими пытаются быть. Откуда мне знать, что ты обычный мальчишка?

– Мужчина, а не мальчишка. Мне давно не пятнадцать.

– Тебе, напомни, сколько?

- Девятнадцать.

– Вот именно. Ветер в голове и все такое. В твоём возрасте все парни – проныры.

– Вероятно. Но я отличаюсь от них – я настоящий мужчина.

Открываю дверь и выхожу из «Доджа», вырываю ключи из зажигания и трясу ими.

– Идем.

– У меня нет денег на номер. Даже если он будет стоить три доллара, что навряд ли.

Я колеблюсь.

– Я заплачу.

Он молчит.

– Серьезно. Я же понимала, что мы окажемся здесь еще задолго до того, как мы въехали в город. Ночью я не поеду. Надо отдохнуть. Впереди еще долгая дорога, Доусон. Идем.

Он выпрыгивает из тачки и хлопает дверцей. Я стискиваю зубы от удара и недовольно мотаю головой.

– Я все верну за мотель, обещаю.

Когда Доусон догоняет и ровняется со мной, я ощущаю его тепло и уверенность. Он выше меня, и, хотя худощавый, кажется даже надежной защитой на случай если «вдруг какой-то проходимец захочет пристать ко мне». У входа в офис администратора Доусон спешно делает два шага вперед и галантно открывает мне дверь, пропуская и чуть ли не кланяясь. Подмечаю это в нем. Он знает манеры, которые я, к сожалению или счастью, игнорирую в мужчинах, потому что даже за красивым фасадом могут скрываться потрепанные стены.

За стойкой сидит толстенький мужик с усами и в очках. Он пялится в маленький телик. Кажется, там идет какой-то матч.

– Здравствуйте, сэр, – говорит Доусон, а я не церемонюсь.

– Два номера.

– Только один с двуспальной кроватью.

Закатываю глаза. Так и думала, что возникнет проблема.

– Нам надо два.

Мужик елозит в стуле, который скрипит под весом сидящего.

– Я же говорю, милочка, нет ни хрена.

– Эй, повежливее, – Доусон напрягается. Он сжимает кулаки.

Ладно тебе, парень, не кипятись. Вы все такие придурки. Постоянно меряетесь членами, это у вас в крови.

– Если не хотите спать друг с другом, в номере есть запасной матрас. Двенадцать баксов за ночь.

– Грабеж за одну ночь, – возмущается Доусон.

– Бесплатно можно на асфальте за городом, мальчик, – хрипит с усмешкой мужик и потирает усы. Он ни разу не посмотрел в нашу сторону, не оторвал глаз от экрана. Это мне на руку.

Мы выходим из будки и ищем номер восемь, указанный на бирке с ключами.

– Нам сюда, – парень указывает на дальнюю дверь в углу. В его руке шелестит пакет с едой, и запах вызывает урчание

в моем желудке. Голод завладевает разумом.

Внутри темно и сыро. Нащупываю выключатель и нажимаю. Комната освещается тусклой лампой.

– Бомжатник. – Когда уже доберусь до Калифорнии и окунусь в мир богачей?

– Я предлагал заночевать в машине, – шутливо отзывается Доусон. – Можно выбить из того придурка обратно двенадцать баксов.

– Перетерпим, – бросаю ключи на кровать и направляюсь в душ. – Накрывай на стол, Доусон, будем ужинать.

Знаете, какой сон мне снится каждую ночь? День, когда мы познакомились с Миком. Вернее, момент, когда мы встретились. Я его переехала. Да, целиком и полностью. Сбила, когда сдавала назад, проехала по нему. Пришлось пойти с ним на свидание, чтобы тот не говорил копам обо мне. Лежал там со сломанными ребрами, кряхтел и просил поужинать. Манипулировал мной, гребаный козел. Я была вынуждена избежать привода и пойти с ним на свидание. Поташил меня в захолустный бар с красными вытертыми столами, пыльной бахромой на шторах, висящих в кабинках, и со злобными большезадыми официантками.

Я мечтала удрать оттуда при первой возможности, но когда Мик начал меня смешить, вторить, что потерял голову из-за меня и обронил неосторожную фразу, мол «душу продам, только чтобы видеть тебя каждое утро», у меня созрел план.

Раньше я обворовывала мелких рыбешек. Никаких крупных сумм, так - до двух-трех тысяч долларов. Но кто захочет всю жизнь упыхиваться из-за мелочевки? Какой-нибудь клерк или офисный планктон без амбиций и таланта? Мне нужно больше, поэтому я начала обрабатывать Мика, втягивать в то, из чего выплыла сухой.

Этой ночью мне снова снилось, как давлю Мика старень-

кой «Тойотой», как хрустят ребра мужа, как он кричит и катается по асфальту. Только совсем забыла упомянуть одну важную деталь – финал сна всегда разный. Либо что-то размытое и незапоминающееся, либо мы с ним уходим в закат, либо он плачет и умоляет вытащить его из тюрьмы. Но сегодня это было самое страшное – в зале суда сидела я на скамье подсудимого, а не он, мне зачитывали приговор, затем нацепили наручники, лязгнув металлом, наклонили голову и увели в сырую вонючую темную камеру. И когда мои глаза увидели решетку, я проснулась.

На улице светает, и мерзкий номер мотеля приобретает другой вид. Лучи восходящего солнца просачиваются сквозь не задернутые до конца шторы и разрезают комнату пополам. На свету прыгают пылинки. Из-за этого начинает свербеть в носу. Я тру его и привстаю на локтях. На матрасе, где должен спать попутчик, никого нет.

– Черт! – подсказываю и первым делом заглядываю в убитую душевую. Там никого. – Так и знала, о чем же думала, тупица!? – стучу себя по голове и рычу, со злости пинаю прелый матрас.

Вспоминаю, что в бардачке «Доджа» должна быть незарегистрированная пушка. Бросаю взгляд на тумбочку у кровати, ключей нет.

– Тварь! Угнал гребаный «Додж». И как я могла его пустить в машину? Гребаная тупая сука, Эйв!

Хватаю рубашку, накидываю на плечи, обыскиваю карма-

ны. Деньги внутри. Достаяю их и начинаю отсчитывать. Пять, десять, двадцать, сорок, сто, триста пятнадцать. Не хватает двадцатки. Вчера точно было триста тридцать пять. Гаденыш, и зачем тебе только двадцатка? Надо было под подушкой прятать. И как меня угораздило подобрать его?

Злюсь на себя, на этот чертов мир и на пацана, который красиво пел про жизнь. Открываю дверь и натыкаюсь на грудь Доусона. Сначала замираю от неожиданности, а затем врезаю в его скулу кулак.

– За что? – вскрикивает он и потирает место удара. – И тебе доброе утро, Грейс! Что на тебя нашло?

Парень уворачивается, а я продолжаю бить его по руке, спине, затылку, как могу, изо всех сил, выпуская пар. Он отскакивает, выставляет руки, чтобы защититься.

– Да прекрати, Грейс!

Доусон меня хватает за руки и держит, пока я пытаюсь выкрутиться. Когда боль отзывается в запястьях, утихаю.

– Какого черта? – ору ему в лицо.

– Это ты мне скажи!

– Просыпаюсь – ни ключей, ни тебя, ни двадцатки!

Он разжимает запястья, и я обрушиваю кулаки снова. Парень выбегает на улицу и вытягивает руки перед собой в оборонительном жесте.

– Спокойно, Грейс, я всего лишь купил завтрак, закинул в тачку воду и что-то в дорогу, чтобы не тратить время на заезды. Сама посмотри, – он отходит в сторону, расчищая

путь к машине.

– Дай ключи, – говорю я и сплевываю на землю.

– Вот, – он медленно вытаскивает из кармана брелок и ключи от «Доджа», словно я коп, держащий преступника на мушке. Слежу за каждым движением. Если он кинется, придется убегать. Если он догадался обшарить бардачок машины, то где-то за спиной прячет мой Glock. Но тогда на хрена он вернулся? Замочить меня и свистнуть тачку? Доусон бросает ключи, и они приземляются рядом с моими ногами. Смешно, наверное, со стороны на это смотреть. Я ведь даже ни чем ему не угрожаю. Зачем все так медленно делать? Привычка? Поднимаю их и бегу к машине с пассажирской стороны, чтобы проверить пистолет. Открываю дверь и вижу, что в подстаканнике стоят два кофе. Его аромат витает в салоне, вызывая слюну. Между сиденьями стоит пакет с пончиками и картошкой. Сквозь лобовое стекло наблюдаю за Доусоном. Он стоит, убрав руки в карманы, пинает землю и ворчит что-то. Вид расстроенный. Уловка?

Я не могу никому доверять. Это же важное правило. Никому, даже если очень хочется. Кто знает, что он за тип? Но тогда какого хрена ты, Эверли, пригласила его подвести?

Тянусь к бардачку, не отрывая глаз от парня. Если он дернется, я запрыгну в машину и запру ее. Открываю и сую руку внутрь. Под бумагами и картами лежит Glock. Он его не тронул. А знает ли он о его существовании? Вдруг я ошибаюсь, и он действительно нормальный парень, говорит правду

и все такое.

– Прости, что взял двадцатку. Я все верну! Обещаю. Доберусь до матери и отдам.

Мешкаю. Не нравится все это, но что-то мне подсказывает, Доусон действительно не хотел меня обидеть.

– Больше так не делай. Здесь я решаю, понял? А теперь садись.

– Сейчас, – попутчик вбегает в номер, выносит оттуда свой рюкзак. И где он стоял? я не заметила даже. Запрыгивает в тачку и неохотно улыбается.

Переползаю за руль и вставляю ключи. «Додж» заводится с ревом.

– Эй, тише там, придурки, – какой-то полуголый мужик из второго номера высовывается из-за двери, угрожает кулаком, а затем захлопывает дверь.

Показываю средний палец, но тот уже все равно не видит. Выруливаю и отъезжаю со стоянки. Администратор, тот мерзкий толстяк, что вчера встретил нас за стойкой, вываливается из своей будки и что-то кричит вслед. Да по хрен, мы ничего лишнего не взяли. Номер ему еще сдавать, обойдется!

– Думал, ты меня бросишь там, – шепчет Доусон. – Ты так разозлилась из-за двадцатки?

Я молчу. Не знаю, что сказать. Не открывать же карты, что я в курсе, кто такие аферисты, учитывая, что я одна из них.

– Просто у меня проблемы с доверием, – вздыхаю я. – Те-

бе не понять.

– Чего это? Понять. Я тоже мало кому доверяю. Например, один взрослый мужик на заправке предлагал докинуть до Техаса. У него был кожаный жилет и черные джинсы. Борода длинная, грязные волосы. От него несло потом так, что меня чуть ли на него и не вырвало. Я отказался сесть к нему в кабину фуры. Во-первых, он был похож на дальнобойщика-маньяка, а во-вторых, ненавижу бородатых.

Удивленно смотрю на него. Seriously?

– Тебя пугают бороды?

– Ага. Прикинь, там застревает еда. Какой-нибудь сырный суп стекает по волоскам, а затем тухнет. Сразу рвотные позывы, – толкает два пальца в рот, имитируя тошноту. – Потом такой уродец потянется к тебе целоваться, и это... Ну ты поняла.

– Боишься целоваться с бородатыми? Ладно, я поняла, к чему ты клонишь. Я бородатых женщин не встречала, – хихикаю, издеваясь над ним.

И мы оба смеемся, потому что это действительно и смешно, и тошнотворно одновременно. И от того, как он делится своими страхами, он такой... милый? Короче, в нем есть какая-то нетронутая чистота. Что-то детское.

– У тебя есть парень? – не то, чтобы не ожидала его вопроса, просто не думала, что Доусон так резко сменит тему.

– Нет.

Замечаю, что парень мельком взглянул на кольцо.

– Ах, это. Отпугиватель мужчин. Знаешь, чтобы не приставали. – Да, вру нагло в лицо. Но меня не волнует, мы распрощаемся на развилке Оклахома-Техас. – Ну, раз со мной такой попутчик, как ты, можно и снять.

Стягиваю кольцо и кидаю в бардачок между сиденьями. Солнце начинает припекать, ветер треплет волосы в разные стороны, а я допиваю кофе.

– В следующий раз бери мне обычный американо, без добавок, сахара, молока и прочей хрени. Никаких орехов, тем более.

– Я думал, ты любишь орехи.

– С чего это?

– Ты похожа на девушку, любящую орехи в кофе.

Хмыкаю и улыбаюсь от сказанного.

Ехать нам весь день, поэтому заправляем полный бак на ближайшей заправке и отправляемся в путь. Почти всю дорогу слушаем музыку, подпеваем, иногда коверкая слова, и смеемся. Устраиваем баттл, выбирая друг другу что-то необычное. Когда связь начинает барахлить, врубаем радио. Затем Доусон засыпает. В голову приходит другая мысль: проверить его рюкзак. Там могут лежать документы, что-то важное, что укажет на то, кто он такой, почему сбежал из дома. Из кармана штанов торчит смартфон. И я борюсь с желанием вынуть его и посмотреть. Все же любопытство побеждает, я сбрасываю скорость и тихо тянусь к телефону. Одним движением вынимаю его, спокойно, как меня учили улицы

– щипать кошельки и украшения. Незаметно, плавно, быстро. Переключаю внимание на экран, иногда посматриваю на дорогу, чтобы не врезаться в попутку и не разбиться. Стоит блокировка экрана по лицу. Украдкой бросаю взгляд, Доусон спит. Подношу к лицу, но толку нет. Ну и дура! Прекрасно знаю, что не сработает, если глаза закрыты. Уже думаю вернуть его на место, как приходит сообщение от некой Сесилии.

Все в порядке? Нашел?

На сердце тяжелым грузом давит камень страха, перехватывает дыхание, и я готова провалиться на месте. Это она про меня? Это меня он должен найти? Быстро кладу телефон рядом с ногой, будто он выпал случайно и крепче вцепляюсь в руль. Высажу его на первой же остановке и свалю. Так и думала, что он подозрительный. Мне становится так плохо от мысли, что Доусон – коп под прикрытием, что скрипят зубы. С чего я это взяла? Не знаю, просто чутье срабатывает.

– Могла бы просто попросить, – раздается его голос.

Меня пробирает дрожь, и я каменею. Он все видел...

Мошенники ищут любую лазейку для высасывания денег: будь то подставной сайт, приложение, вирус, поглощающий компьютер, код, который просят отправить. Можно украсть данные и воспользоваться кредитом на ваше имя, а можно взломать телефон или получить доступ к счетам, а можно выманить деньги напрямую. Смысл один - обмануть того, кто по ту сторону экрана, завладеть деньгами, нажиться за чужой счет. Все просто – главное, сноровка и никакой жалости.

И сейчас ситуация обязывает включить все свои мошеннические уловки, чтобы выбраться из задницы, в которую попала.

Голос Доусона напряженный, как и он сам. Парень выпрямляет спину и не шевелится, только выжидающе смотрит. Я сглатываю. Если не найду подходящего оправдания тому, что лазила в его телефоне, придется высадить его или убить.

– Мне же надо было удостовериться, что ты не коп и не маньяк.

Да, ничего умнее в критический момент не приходит на ум.

– Можно тупо спросить, Грейс, – голос Доусона все еще натянутый.

– Спросить? Серьезно? Ты действительно считаешь, что

любой маньяк или коп ответит честно, мол «я убиваю людей, расчленив на куски», или... - лучшая защита – это нападение, но тут я сама себя закапываю в яму.

– Ты боишься копов?

Меня осеняет, что я будто думала, что он коп. А с чего это? Он теперь думает хрен знает что. Черт! Сдерживаюсь, как могу, чтобы окончательно не загнать себя в угол.

– Я не доверяю людям, помнишь? На минуту, ты чужак. Странный парень, вступившийся за меня на улице, севший в мою тачку, болтаешь без умолку. Кто знает, что ты за тип. Даже если коп, им я тоже не доверяю, понятно? Они бывают сволочами.

Мне нужно выпутаться из ловушки.

– Так что прими это, как способ проверки. Прости, но так надо было.

– Нашла что-то?

Доусон все еще дуется, я это вижу, но его голос становится теплее. Заметно теплее.

– Нет. Ты чист. – Какое-то время молчу. А затем добавляю: – Надеюсь. Нашел?

– Что? – непонимающе смотрит он.

– Ну, какая-то Сесилия спрашивает тебя, нашел ли ты. Что именно, не знаю.

– А, да. Нашел ли я способ уехать. Это подруга. Киваю. Подруга, значит.

Дорога занимает весь день. Мы плетемся по невыносимой

жаре. Надо было заправить кондиционер, ведь он не работает, и открытые окна не спасают ситуацию. По спине течет пот, кожу от этого жжет, и она чешется.

Добираемся до Чикаго, Иллинойс. Никогда здесь не бывала, и теперь хочется попасть в самый центр, пройти по улицам, вдохнуть жизнь вне Нью-Йорка. Это же дорожное приключение, верно? Раз уж выпал такой шанс...

– Давай припаркуемся поближе к Миллениум-парку. Кое-что покажу, - врывается в мои мысли Доусон, нарушая бойкот.

Мы не разговаривали с самого Огайо. Я снова хотела бросить его и уехать.

– Зачем?

– Я же сказал, показать кое-что.

– Ты раньше бывал здесь?

– Ага.

Ну, конечно, все-то он знает, везде-то он бывал.

Через полчаса паркую тачку на доволна забитой стоянке супермаркета. Беру бутылку воды, кепку, чтобы немного замаскировать лицо. Понимаю, что в век технологий поисковая распознавательная система лиц легко найдет меня, если это будет надо копам, но сдаваться вот так просто не намерена. Прошу Доусона положить рюкзак на пол сзади, чтобы не бросался в глаза тем, кто вдруг решит заглянуть в тачку и обчистить ее. Ворам только дай повод. Если им покажется, что можно чем-то поживиться, сразу разобьют стекло или

взломают дверь. Сигналки на «Додже» нет.

Проходим несколько кварталов. Люди спешат, не обращая внимания друг на друга. Все то же самое, что и в «Большом Яблоке». Всем насрать на тебя, на то, как ты одет, что делаешь. Мы выбираемся на открытую площадь, где толпы туристов облюбовали «Облачные врата»³.

– Видишь, – Доусон указывает пальцем на гигантскую стальную каплю. – Считается, будто это капля ртути. Но для меня – капля росы, в которую, если заглянуть под лупой, увидишь миниатюрное отражение того, что есть вокруг – а это красота мира. Идем.

Вдалеке играет музыка. Кажется, что-то латинское. Неожиданно Доусон хватает меня за руку, переплетая пальцы. Я хочу вырвать ее, но он оборачивается, на лице играет искренняя улыбка, а в глазах неподдельная радость, и потому, будто замороженная, просто следую за ним.

Оглядываюсь по сторонам. Ритм города-гиганта врывается в сердце, мозг, душу, и хочется следовать за музыкой, растворяясь в толпе и звуках. Рядом идет мим на гигантских ходулях, снимает шляпу прямо передо мной, и я ахаю от внезапного появления. Дамочка с собакой, тьявкающей на каждого прохожего, недовольно ворчит и обходит мима стороной. Велосипедист мчится, объезжая людей, вот-вот сшибет кого-нибудь с ног, но умудряется лавировать и исчезает за

³ Скульптура Cloud Gate в Чикаго в виде огромной капли, в которой отражается искаженный город.

скульптурой. Слева взлетают голуби, и звук их крыльев отражается от стен зданий. Солнце слепит, и хочется растаять под палящими лучами.

Когда мы подходим ближе к скульптуре, в отражении вижу себя. Мои ноги короткие, а тело непропорционально длинное, и мне хочется смеяться. Сдерживаю смехок, перевожу взгляд на Доусона, у него видок не лучше. Отсюда различима впадина в капле, ровно снизу посередине. Мы просачиваемся между туристами, зеваками, жителями Чикаго, встаем по центру. Со всех сторон на меня словно давят. Становится неуютно, но Доусон так близко, и от него исходит живительная энергия, его настроение заряжает положительными эмоциями, и меня отпускают тревожные ощущения.

– Загадывай желание, – говорит он, перекрикивая гул людей, – на этом месте, если загадаешь, непременно сбудется.

Он берет мои руки и смотрит прямо в глаза. Юное лицо излучает жизнерадостность, хотя глаза грустные.

– Вряд ли это правда, – заявляю я.

– Не попробуешь, не узнаешь.

Он так нежно держит руки. Мне кажется, или гладит пальцами кожу? Не рискую опустить взгляд.

– Ладно, – закрываю глаза.

Думаю, что неплохо хотеть получить богатство и жить жизнью мечты. Еще загадываю новую тачку, и чтобы никакого преследования, чтобы никогда не попалась копам, и никто не предавал. Поток желаний нарушает прикосновение. Му-

рашки пробегают по спине от осознания, что меня целуют. Поцелуй легкий, робкий, будто что-то сейчас спугнет его. Приятное чувство возникает где-то в левом боку. Резко распахиваю глаза. Доусон прижимается своими губами. Он так близко, что я могу разглядеть его красивые веснушки. Когда он отстраняется, я осознаю, что сейчас произошло.

– Что за хрень, парень? – отталкиваю его, будто только что не кайфовала от теплоты поцелуя.

– Прости, – испуганно говорит он и пятится. – Я думал, что...

– Думал, что я загадала поцелуй с тобой? Совсем спятил? Я, что по-твоему, легкодоступная?

Выбегаю из-под капли и, взбешенная, мчусь в ту сторону, откуда пришли. Каков придурок! Решил, что вот так легко может воровать поцелуи, трогать меня! Да он же... Я же... Засранец!

– Постой, – Доусон хватается за локоть, а я пытаюсь вырваться. Несмотря на то, что мне очень понравилось ощущать его губы на моих, не позволю делать это без разрешения. Это что такое? Врывается в мою жизнь и переворачивает все с ног на голову. Через неделю наши пути разойдутся, а он так нагло пытается влезть под кожу. – Я прошу прощения, Грейс!

Разворачивает меня к себе.

– Ты такая... соблазнительная. Ты мне нравишься.

– Вот так легко об этом заявляешь? Мы знаем друг друга

один день.

– И что с того? Я тебя как увидел, сразу подумал, что ты классная.

Детский сад, ей-богу!

– Не смей больше так делать, – тычу пальцем ему в грудь. Надеюсь, не заметил моего смущения и желания повторить. Когда он говорил, я следила за губами, внимая каждому слову.

Доусон кивает. Замечаю грусть на его лице, но меня не должно это пронять. Я не доверяю никому. И тем более не собираюсь впадать в романтические отношения. В планы не входило. Он сам по себе, а я сама по себе. Наши пути расходятся где-то на границе Техаса и Нью-Мексико.

– Никакой подобной хрени, Доусон. А не то поползешь до своей матери, потому что вырву твои...

– Знаю, вырвешь руки и запихнешь их мне в зад.

– ...яйца и скормлю тебе же.

Парень хмыкает, но улыбается.

– А теперь идем.

– Стой, – он снова берет меня за руку. – Слышишь музыку? – киваю ему. – Это сальса. Пойдем.

Стону и закатываю глаза. Мы снова возвращаемся к капле, огибаем ее и выходим к мужчинам, которые играют на барабанах. Рядом стоит девушка и трясет какими-то штука-ми.

– Что это? – спрашиваю Доусона.

– Маракасы. – Он протягивает руку, приглашая на танец.

– Нет, – отодвигаюсь от него, отказываясь принять приглашение. – С ума сошел? Я не танцую.

– Просто доверься мне. – Уставившись на его ладонь, думаю, неужели я сейчас соглашусь? Нет, нет, нет. Доусон снимает с меня кепку, и я начинаю возмущаться. – Давай.

Подхватывает меня и задает ритм.

– Просто расслабься и получай удовольствие.

Я следую его движениям, расслабляюсь, как он говорит, но стесняюсь. Нас облепили зеваки. Один из толпы начинает хлопать в такт музыки, и другие подхватывают энергию. Кто-то свистит ободряюще, дети кричат и улюлюкают. Полностью растворяюсь в движениях. Я брала несколько уроков бальных танцев в старшей школе, и это все. Хотя музыку чувствую хорошо, все же танцевать – не мое. Но сейчас я повторяю за Доусоном, он прижимает меня к себе, затем поворачивает мое тело быстро и резко, мы делаем шаги в сторону, увеличивая темп. Я подстраиваюсь под стук барабанов, кручу бедрами, отдаюсь музыке, поглощающей меня. Так весело кружиться в танце! Я смеюсь, не сдерживаясь. И Доусон тоже. Мы уже просто кружимся, словно дети. Голова не сообщает. Вокруг все плывет, словно люди, окружившие нас, плывут тоже. Я будто положила голову в центрифугу. Меня знатно укачивает, и я остаиваюсь, задыхаясь в диком смехе.

– Доусон, я больше..., – дыхание срывается, я хватаю ртом

воздух. Неужели во мне еще остается капля безрассудства? – О боже, сейчас упаду. Не смей впутывать меня в свои авантюры, парень.

Грожу ему пальцем, а он поддерживает меня. Народ свистит, кричит, разывается аплодисментами. Впервые чувствую себя свободно, без страха быть высмеянной, непонятой. Никто из них не знает, кто я такая. А вероятно кто-то из них может быть моей жертвой: бывшей или будущей.

Я не хочу влачить жалкое существование, потому мне мало того, что лежит на счету. Тянуть деньги у других – не равно ходить на работу в офис и получать пару тысяч. Здесь нужно постоянно развиваться, быть на шаг впереди полиции. Постоянно разрабатывать новые пути для обмана. Недостаточно придерживаться одной схемы и заработать на этом. Рано или поздно лавочку прикроют: либо граждане, либо копы. Дело в том, что раскрытие мошеннических схем происходит ежедневно. Публикуют в соцсетях новые уловки, и когда цепной волной слухи доходят до всех штатов, нажиться на людях становится сложно. Тебя могут нагреть полицейские или сами потенциальные пострадавшие. Конечно, высокий процент незнающих и доверчивых все же имеется. Так же существуют и те, кого можно обмануть неоднократно. Натура такая – человек доверяет абсолютно каждому. Даже если его уже прокатали на капоте лжи, он все же верит в чудо.

Например, лохотрон с выигрышем. Люди не перестают доверять лотереям. И здесь тоже есть чем разжиться, но надо иметь доступ к базам. Чего у меня нет, потому что работаю в одиночку.

Как только доберусь до Калифорнии, займусь расширением денежных потоков, а пока максимально сосредоточена на том, чтобы не раскрыть свою личность.

Прошло всего чуть больше полутора суток с заседания суда. Муж держится, раз обо мне нигде не сообщается. Все еще верит, что я дождусь его. Интересно, куда его направят?

Доусон и я все еще в Чикаго. Теперь мы шагаем по Риверуок, чтобы насладиться видами. По словам юного спутника, здесь открываются невероятные обзоры на озеро. Меня все еще злит фриivolность, которую позволил себе молодой придурок. Но на губах все еще остался теплый след от поцелуя.

– Сколько тебе лет, напомни? – вдруг спрашиваю я. Доусон идет рядом, нога в ногу. Мы почти спешим, как будто не прогуливаемся, а топаем целенаправленно, опаздывая куда-то. – Тебе хотя бы восемнадцать есть?

– Мне девятнадцать, я уже говорил. Ой, Грейс, ты ненамного взрослее меня. Разница всего-то лет пять-шесть, да? Тебе не больше двадцати пяти.

Он не прав. Все же девять лет чувствуются.

– Ты даже выглядишь молодо. Юно, я бы сказал. Да брось. Румянец на щеках, губы розовые, натуральные. То, что ты красишь ресницы так, что их видно из Парижа, не беда. Твои светло-русые волосы, длинные и волнистые, придают лицу детскость. И одеваешься ты не как мэм, а как мисс.

– Ну, знаешь ли, естественно не как мэм. Мне двадцать восемь, а не сорок. Идиот.

Доусон довольно улыбается.

– Смотри, – показывает пальцем на озеро Мичиган. –

Пришли.

Солнце садится, и небо раскрашивается закатными оттенками. Мы провели в городе много времени. Гуляли, слушали уличных артистов, ели бургеры и валялись в тени, чтобы не плавиться на солнце. Мы решили, что спешить нам некуда. Мать Доусона дождется его, а я хочу посмотреть страну. Раз уж такой шанс выпал.

Конечно, я каждый раз напрягаюсь, когда вижу патруль. И сейчас тоже. Неподалеку стоят двое полицейских и о чем-то беседуют. Один из них в упор уставился на меня и пялится откровенно, а второй то и дело постоянно оборачивается. Я достаю смартфон и гуглю новости. Вбиваю свое имя и фамилию мужа.

– Что ты там ищешь? – вторгается ко мне Доусон.

Я наклоняю телефон так, чтобы он не смог прочитать, что на экране.

– Не твое дело.

Он такой ... противный? Как называют людей, сующих везде нос? Любопытный? Неважно. Пусть отвалит.

Никаких новостей. Только про арест Мика, про суд и приговор. Не такое уж и громкое дело, выходит. Вряд ли я в федеральном розыске.

– Как будто море, – резко переключаюсь на шикарный вид. Мы останавливаемся на пешеходной зоне у воды. Здесь небоскребы тонут в разноцветных отблесках заката, а волны плещутся о резной бетон. – Шикарно!

– Знаю, как покорить девчонку, – он произносит это с такой гордостью и ухмылкой, что я стукаю его в грудь кулаком.

– Я, по-твоему, девчонка? Мальчик, у меня запросы посложнее. Открою секрет: чтобы покорить девушку, недостаточно притащить ее на берег и показать закат. Мы, что, школьники? Мужчиной себя называешь, а глупости делаешь. И усеки, я не для отношений. Даже на одну ночь. Ты – попутчик, я просто везу твою задницу до техасской матери.

Улыбаюсь максимально неискренне, чтобы он понял серьезность заявления. Хотя мне льстит, что он старается обратить на себя внимание.

Ветер усиливается, когда солнце полностью заходит за горизонт. Мы возвращаемся к машине затемно. Доусон молчит всю дорогу. Наверное, обиделся на мои слова. Взвешивает теперь, стоит ли болтать со мной.

Только когда останавливаю тачку напротив очередного отеля в пригороде Чикаго, парень снова оживает. На лице уже нет тех ярко выраженных отметин печали. Глушу мотор. Только я хватаю ручку двери, чтобы выйти, Доусон нарушает молчание.

– Я не могу снова ночевать за твой счет. Останусь в машине. Ну, либо лягу где-нибудь... – он смотрит по сторонам. На улице темно, и фонари по периметру мотеля слабо освещают территорию, – ...там.

Около офиса администратора оборудовано место для курения. Этот мотель цивильнее предыдущего.

– Если ты считаешь, что я настолько сука, то отвали тогда и катись до Техаса самостоятельно. Мне некогда тебя уговаривать.

Вываливаюсь из тачки и бросаю последний вопросительный взгляд, мол «ты со мной или как?». Доусон сдается, и, закатив глаза, тоже покидает «Додж». Его красивое лицо мрачнеет от того, что он проиграл схватку. Тоже мне, мужика врубает. Если уж ты такой, то играй до конца. Детский сад. Снова корю себя за то, что вообще подобрала юнца, и до сих пор вожусь с ним.

Администратор – грузный мужчина, с усами и в очках. Они что всех под копирку берут? Какое-то условие для найма? Типа «обязательно наличие лишнего веса, усов и херового зрения, чтобы не видеть копейки, за которые будете тут прислуживать». Но этот дядька, на бэйджике которого написано Саймон, добродушнее и улыбчивее. Он идет с нами и показывает территорию. Два разных номера, бассейн на заднем дворе, и даже с дешевой подсветкой, а утром открывается кафе. За каждый номер я отдала по тридцать пять баксов. Наличных становится меньше. Думаю, что мы с Доусоном распрощаемся где-нибудь по дороге в Небраску.

Когда захлопываю дверь в свой номер, облегченно выдыхаю. Вот вроде не дура, а какого хрена сюсюкаюсь с пацаном? Ох, Эверли, пора тебе распрощаться с парнем. Это путешествие для одного человека.

Зависаю в телефоне, смотрю новости Нью-Йорка, чтобы

быть в курсе, но ничего интересного нет. Только пару сводок о новых ограблениях на Манхэттене, стрельбе в гетто и попытка поджога Бруклинского моста. А что у нас в Айове? Листаю достопримечательности столицы и попутных городов. Кукурузные поля – все, на что тут можно посмотреть. Значит поеду напрямую в Денвер, минуя остановки. Переночую в Небраске, затем отправлюсь дальше.

В номере есть телик. Врубаю его и иду в туалет. Когда заканчиваю дела, слышу знакомые слова. Ведущий теленовостей сообщает о новых подробностях дела о мошенничестве. Спускаю воду в унитазе и напрямую влетаю в комнату. Хватаю пульт и прибавляю звук.

– ... Эверли Синклер разыскивается за подозрение в мошенничестве в крупном размере. Сообщник, ее муж Микаэль Синклер дал новые показания, заявив, что его жена заставляла совершать незаконные операции, выводить деньги и обманывать граждан. Также, адвокат мистера Синклера высказал в защиту своего клиента, что тот находился в трудных абьюзивных отношениях, и Эверли Синклер заставляла делать незаконные вещи. Сейчас супругу мистера Синклера разыскивает полиция Нью-Йорка и...

Дальше я уже ничего не слышу. Вижу лишь, как мое собственное лицо смотрит с экрана. И я понимаю, что в ловушке. Мне срочно нужно убраться подальше от Нью-Йорка.

Этот мир прогнил. Ни за что не поверю, что существует хотя бы один человек, у которого безупречная жизнь и душа. Любой, даже самый порядочный человек, выедается изнутри червоточинами. Ядом, вытекающим из дыр зависти, обиды, злости, ненависти и боли. Такой микс-салат. В этом мире нет места добру, любви и честности. Возьмем даже интернет. Здесь все приличные места занимают паршивые душонки, комментирующие ваши посты в соцсетях, ненавидящие вас. Хотя вы никогда не встречались в жизни. Просто им не нравится то, что вы думаете иначе и демонстрируете это миру. Их миру. Они считают, что все принадлежит им. И они вправе говорить то, что хотят, обзывать, буллить, давать советы, рассказывать, как правильно жить, указывать на недостатки, придумывать тупые правила приличия и прочее. В этом мире нет справедливости и чистоты. Так чего ради я должна быть честной? Во мне гигантская дыра. И она мне нравится. Без нее я бы давно сдохла в подворотне и разлагалась под ногами бомжей.

Мир *точно* прогнил. И такие люди, как Доусон, наивные и романтичные, считающие, что девушкам нужны цветочки и закаты, пропадут. Их съедят гиены вроде меня.

В данный момент, отдернув шторы, я наблюдаю за ним. Он плавает в свете диодов, встроенных вдоль бассейна. Под-

плывает к бортику и облокачивается. Мышцы на руках и спине играют, переливаясь в синем свете. Он проводит рукой по мокрым волосам и задумчиво смотрит вдаль. Мне захотелось поплавать рядом. А как же? Особенно когда нет купальника. Черт.

Хватаю банку содовой и направляюсь на задний двор. Но останавливаюсь около двери в номер восемнадцать. Это комната Доусона. Женское чутье заставляет без спроса ввалиться в его номер. Толкаю дверь, и она, медленно скрипя, открывается. Вот же удачный случай! Грех не зайти и не порыскать. Оглядываю комнату. Она выглядит точно также, как и моя. Те же обои в синий бантик, безвкусные полы из дешевого паркета, абажурные старые лампы по краям кровати, чудовищная картина, где собаки играют в покер. Знаю, что это реплика на знаменитое произведение, но не шарю я в этой теме. Достаточно того, что вообще узнала. Единственное различие – покрывало на кровати. У него – зеленое. Подхожу к столу, на котором лежит телефон. Там я уже смотрела. Надо бы фотографии глянуть, но в прошлый раз пролетела с этим. Парень свалился как снег на голову, понятия не имею, кто он такой. Всегда нужно проверять людей. Мало ли, кто может оказаться перед тобой. Мошенник, например.

Обшариваю глазами номер, ничего больше примечательного нет, учитывая, что у парня только рюкзак. И тут вздрагиваю. Точно, у него должны быть документы. Бросаю быстрый взгляд в окно. Вижу движение, он все еще плавает. Хва-

таю его шмотки и начинаю рыться. Пара футболок, записная книжка (пролистываю ее, там ничего особенного, какие-то бессмысленные записи чисел), нижнее белье. Фу! Кривлю нос и губы. Надеюсь, оно чистое. Зубная щетка и паста, таблетки от боли и жвачка. Ничего! Нащупываю внутренний карман.

– Бинго! – радостно шепчу и расстегиваю молнию. Внутри лежит идентификационная карточка.

Доусон МакКларен, дата рождения: 17-04-2007, американец, Соединенные Штаты Америки, место рождения: Техас. Достаяю из кармана смартфон и делаю снимок доков. Кладу обратно, замечаю в кармане банковскую карточку и пару сотен долларов.

– Ах ты ж мелкий сученыш!

Возвращаю на место, застегиваю молнию и ставлю рюкзак приблизительно так же, как он стоял. Надеюсь, этот козел не заметит. Все это время вешал лапшу на уши, что у него нет денег. Сукин сын! Что задумал ты, Доусон?

Покидаю его номер и возвращаюсь к себе. Надо пробить паганца!

Срочно набираю Бетси сообщение с основного телефона, потому что кнопочный остался в машине, и скидываю фото доков. Она пока не отвечает. Сжимаю челюсть, ладони вспотели, злюсь на саму себя за то, что совершила оплошность и подобрала непонятного чувака. Ему всего девятнадцать лет! Вряд ли он коп под прикрытием. Но кто тогда? Есть бабки,

но он мне соврал. Хочет разжиться за мой счет?

Телефон пиликает, это Бетси.

Пацан чист. Ни приводов, ни скандалов. Но есть кое-что. Папочка богатенький. Владеет активами в разных фирмах, а также несколькими объектами недвижимости на побережье. У мальчика есть трастовый фонд. Кажется, мистер МакКларен качался в золотой колыбели.

– Вот оно что! – угроза улетучивается, и на душе становится легче.

Высматриваю Доусона в окне. Он все так же плещется в бассейне, словно совсем еще ребенок.

– Значит, ты богатенький Ричи⁴. Ну, давай, посмотрим, что из этого выйдет.

В голове уже созревает план. Возвращаюсь в его номер и забираю газировку, которую по неосторожности там и оставила. Выхожу на задний двор. Прохладно на улице. Ночью в Иллинойсе чуть холоднее, чем в Нью-Йорке. Сейчас Доусон под водой, он не видит, что я уселась у бортика и жду его. Когда парень выныривает и протирает глаза, вздрагивает.

– Подстерегаешь меня?

– Думаю, если тебя утопить, как скоро найдут тело.

– Очень смешно. – Парень погружается по кончик носа, а затем всплывает, выпуская изо рта струю воды, как будто он маленький фонтанчик. – Уж не ожидал, что когда-нибудь

⁴ Отсылка к одноименному фильму

еще поплаваю в бассейне.

Я властно и откровенно пожираю его взглядом. Откидываюсь назад и прислоняюсь к металлическим ручкам лестницы, ведущей в бассейн. Отхлебываю газировки.

– Что? – Доусон явно не понимает, чего я так таращусь на него.

– Ничего, Доусон. Ничего, – верчу банку в руках, отрываю взгляд, думаю, как лучше разговорить его.

Парень уже собирается погрузиться под воду, как вдруг с моих губ слетают слова:

– А мистер МакКларен знает, что ты направляешься в Техас?

Доусон еще раз набирает в рот воды и выплевывает ее неровной струйкой.

– Я должен тебе кое-что рассказать, да?

Киваю. Уже попробуй, мальчик.

Куда ни плюнь, кругом тайны, секреты, недоговорки, обман. Это нормально, мир так и держится. Если все будут друг другу в глаза говорить то, что на самом деле думают или чувствуют, через неделю не станет человечества. Люди сожрут друг друга, уничтожат. Никто не привык жить с правдой. Даже когда говорят, что лучше горькая правда, чем сладкая ложь, - тоже врут. Заливают вам, пытаюсь показать, какие же они важные и храбрые. Только и это лживое дерьмо. Никому не доверяйте. Даже себе.

Вот и Доусону я не доверяю. Но теперь, зная, кто он такой и что имеет, думаю, будто его сам Господь послал в мои лапы. Если я слышу звон монет и шелест купюр, то уже тут как тут. Теперь я хочу облапошить малыша.

Доусон сидит на шезлонге напротив. Тусклые уличные фонари подсвечивают его тело сзади, а лампы от бассейна спереди. По коже стекают капли, волосы мокрые, курчавятся, а мышцы ходят ходуном. Если его и послал сам бог, то явно не в наказание. Скрывать не стану, он хорош собой. Для столь юного тела, его плечи широкие, ноги рельефные, как и живот. Обычно мальчишки тощие, жилистые. А здесь видно, что парень ходит в тренажерный зал. Наверное, богатенький папочка отваливает сочную сумму зеленых, чтобы его сынок так выглядел.

Я стараюсь хлопать глазами, внимать все, что он излагает своим ротиком, притворяюсь обиженной, обманутой девушкой, только, чтобы сбить с толку и не выдать себя.

– Прости, что не сказал сразу. Просто старикан душный. Хочет, чтобы я делал так, как он говорит, а я не хочу. Ненавижу его! Чертов ублюдок. Пусть учит дочурку, а не меня. Пристраивает постоянно то на работу, то на стажировку, будто затыкая мной собственные дыры, не советуется, не спрашивает мнение. Мол, ему так виднее и он знает, как лучше.

– Извечные трения отцов и детей.

– Не подумай, что я хотел тебя обмануть, но..

– Именно это и сделал, – констатирую я. И снова играю.

– Да, но... Я свистнул деньги из сейфа, так, чтобы он не заметил. Хочу побыть у мамы, чтобы он поволновался. Даже симку сменил. Когда заметит, что я пропал, уже доберусь до Техаса. Пробуду какое-то время, затем махну еще куда. Мир посмотреть. Работенку найду, чтобы продержаться на плаву.

Хмыкаю. Смешно, конечно. Убегать от денег. Кто-то позволить себе потратить лишний цент не может, а кому-то хочется убраться из роскошной жизни. Мне бы такого папочку. Люди ни хрена не ценят то, что им достается без усилий.

– И когда все-таки папочка спохватится и начнет искать тебя, что тогда?

– Тогда и вернусь. Хочу потерзать его немного.

Боже, ну что за дите? Мне это на руку. Разведу его по пол-

ной.

– Ты мне поможешь? – он напускает невинный умоляющий вид и дотрагивается до моей руки. От прикосновения, признаюсь, мурашки бегут. – Пожалуйста! Я все верну. За мотели, бензин, еду. В долгу не останусь. Только скажи номер счета, отправлю сразу, как старик порадует меня переводом.

Конечно, малыш, я тебе помогу, ты даже не представляешь как.

– Ладно, – неохотно соглашаюсь, будто делаю ему одолжение, но на самом деле, это он мне подбрасывает рождественский сюрприз.

Глаза устремляются на каплю, ползущую вдоль груди, слегка притормаживающую на ребрах, и затем снова стекающую вниз к резинке плавок. Непроизвольно прикусываю нижнюю губу, но одергиваю себя. Не сейчас. Прочищаю горло. Он мне даже не нравится. Да, у него выразительный взгляд, золотистого цвета радужки, таких я еще не встречала, полные алые губы, а брови... густые, ровные. Его лицо притягательно, безупречно. Девчонки, наверняка, вешаются. Еще и богатый, статный женишок.

Доусон перехватывает мой взгляд и незаметно улыбается. Я вижу, как изменилось выражение на лице. Ему приятно, как я смотрю на него. Интересно, сколько женщин вот так гипнотически пялились и пускали слюну при виде молодого накаченного тела? Бери себя в руки, Эверли.

– Грейси, – нежно произносит он мое ненастоящее имя. Мне нравится, как оно звучит.

Голос окутывает и возбуждает. Он поправляет прядь моих волос, заправляя за ухо, и касается пальцами щеки. Парень медленно наклоняется, будто колеблется и не знает, заеду ему по роже или страстно вцеплюсь губами в его, но все же решительно надвигается. И, когда он обжигает дыханием, вот-вот даря поцелуй, я изгибаю бровь возмущенно и отодвигаюсь.

– Я здесь не за этим, Доусон.

Он тяжело выдыхает и, разочарованный, опрокидывает голову назад, внемля звездам и ночному небу. Затем ложится на шезлонг в полном молчании.

Да, малыш, я здесь не за этим. Но поверь, скоро эти губы достанутся тебе, если мой план сработает, а он точно работает. Главное, не торопить события.

Встаю с места, отношу пустую банку в мусорный бак и скрываюсь за поворотом. То, что я хочу проверить, надолго изменит мою жизнь. И, если папочка тоже поймается в сети, мне больше никогда не придется ломать голову, где достать деньги.

Уже в номере ложусь на кровать и достаю телефон. На официальном счете у меня всего десять долларов. Пусть так и останется. Никто не должен отследить местоположение, потому пользоваться личной карточкой не собираюсь. Загружаю банк подставной компании «Silver Wood

Enterprises», который находится на Багамах. На счету почти двести сорок пять тысяч долларов. Не густо. Это все, что мне удалось скопить в тайне от мужа и опустошить наш общий доходный счет. Возможно, мне хватит на первое время, но жилье не куплю, а снимать - долго не получится. Думаю, в Калифорнии ценники на недвижимость бешеные, так что нужно еще немного попотеть.

Именно цифры на счету стимулируют меня. Потому захожу в приложение, где я чаще всего развожу народ. Запускаю его и пишу Бетси. Она уже на связи. Знает, что лучше разводить на бабки вечером, когда мозг человека устал от дневного шума и тревог. Прошу ее накопать профили многодетных мам, а лучше разведенков, потому что они уязвимее остальных. Попробую вынести несколько сотен долларов за час-другой.

Через минут двадцать получаю список из девяти местных девушек, проживающих в Иллинойсе или на границе штата, чтобы время было местное. Пролистываю ссылки на профиль каждой. И глазами цепляюсь за девушку, ей больше тридцати пяти. На одном из фото она уставшая, сидит на диване, а на ней висят трое детей. И подпись под постом гласит: «Дети высасывают сок, но не так, как бывший муж. Лол». Рядом с ссылкой от Бетси ее номер телефона. Бывший муж Ричард Вебб, работает в автосервисе.

Прочищаю горло и набираю номер. Гудок один, второй, третий. Никто не отвечает. Скидываю звонок и перехожу к

другой девушке. Ей примерно столько же, сколько и мне. А значит, она может быть наивной или даже тупой. Все телки моего возраста чаще всего недотепы. А если и социальный статус средний, то девяносто процентов. Среди десяти процентов всего лишь одна сотая – вундеркинды, как я. Шеннон Пирс, а ты ничего такая. Кудрявые длинные темные волосы, как у куклы, сережка в носу, короткие топы – значит, любишь привлекать внимание. А это кто? Бывший муженек? Скорее настоящий. Есть полуторогодовалый ребенок. Бетси указала, что бывший сожитель Рэндэлл Гаррисон. Безработный. Что же, детка, думаю, ты выплаты получаешь. Вот и я хочу тоже. Цифры ее номера копирую и нажимаю вызов. Снова несколько гудков, но ничего. Но только я собираюсь сбросить, слышу в трубке запыхавшийся голос.

– Алло? Алло! Кто это?

– Мисс Пирс? Это Анна Брэдшоу.

Называю первое, что приходит на ум. Распространенное имя, а фамилия одной из героинь «Секса в большом городе».

– Я специалист по социальному обслуживанию. Дело в том, что нам поступило заявление от банка. Ваши счета заблокированы, и мы к сожалению, не можем назначить налоговый кредит на ребенка. Чтобы выплата прошла, необходимо разблокировать счет.

Говорю строго, уверенно, и даже добавляю в голос нотки недовольства, мол «я огорчена». Чтобы человек клюнул, необходима напористость, быстрота действий и четкие отве-

ты на нерешительность, подозрения, непонимание.

– Подождите, но я не получаю никаких выплат.

Она насторожена. Вот черт, я была уверена, что девка получает что-то. В голове взрываются сотни тысяч нейронов, чтобы придумать дальнейшее действие, и в этот момент она добавляет:

– О боже, неужели мне одобрили?! Как же долго я добивалась выплат. Этот чертов ублюдок не платит алименты. Простите меня. Я не хотела ругаться.

Слышу, как она прикрывает микрофон, и раздается шуршание, как будто девушка специально комкает бумагу прямо в динамик. Отдаленно прорываются шепот и разговор двух людей. Наверняка, обращается к сожителю. Это усложняет ситуацию, если он сообщает лучше, чем она, то может догадаться.

– Прикинь?! Да, его задница подгорит, когда узнает, что я получаю деньги.

В этот момент сообщаю Бетси номер, с кем веду диалог. И та готовится.

– Мисс Пирс, ваш счет. Он заблокирован. Мне необходим код, который придет вам.

– Код?

Сердце бешено стучит. Надеюсь, сработает. Если она постоянно смотрит телик или читает новости, то наверняка, знает, что никому нельзя сообщать никаких кодов. Об этом трубят где не попадя.

– Все верно. Я сейчас отправлю код подтверждения, его необходимо назвать. Тогда банк снимет блокировку, и социальный фонд сможет направить вам пособие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.